

БЕРНАР ВЕРБЕР

ЛЮБОВЬ И ЮМОР – ДВА САМЫХ ПОЩНЫХ БОЛЕУТОЛЯЮЩИХ.
ЛЮБОВЬ – ЭТО, ВЕРОЯТНО, ВСЕГО ЛИШЬ ИЛЛЮЗИЯ.

Последний секрет

▲
РИПОЛ КЛАССИК

Учёные-авантюристы

Бернар Вербер
Последний секрет

«РИПОЛ Классик»

2001

Вербер Б.

Последний секрет / Б. Вербер — «РИПОЛ Классик»,
2001 — (Учёные-авантюристы)

ISBN 5-7905-4693-5

Перед вами блестящий роман Бернара Вербера, автора мирового бестселлера «Империя ангелов». На сей раз культовый французский писатель приглашает читателя проникнуть в тайны человеческого сознания. Гениальный ученый разыгрывает решающую шахматную партию с компьютерным мозгом. На кону – звание чемпиона мира. Победа на стороне человека! Зал рукоплещет. И вдруг неожиданная смерть победителя. Журналисты начинают свое собственное расследование.

ISBN 5-7905-4693-5

© Вербер Б., 2001
© РИПОЛ Классик, 2001

Содержание

АКТ 1	6
1	6
2	7
3	9
4	10
5	12
6	13
7	17
8	21
9	22
10	25
11	26
12	28
13	29
14	30
15	31
16	35
17	36
18	37
19	39
20	45
21	46
22	50
23	52
24	56
25	58
26	62
27	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бернар Вербер Последний секрет

Мои
русским
читателям
Бернар
Вербер

АКТ 1

ПОВЕЛИТЕЛЬ БЕЗУМЦЕВ

Мы используем лишь 10% наших умственных способностей.
Альберт Эйнштейн

Проблема в том, что единственный инструмент, позволяющий изучать и совершенствовать работу мозга, – это... сам мозг.
Эдмонд Уэллс.
Энциклопедия относительных и абсолютных знаний

Большинство великих открытий сделано по ошибке.
Закон Мерфи

1

Что побуждает нас к действию?

2

Он осторожно выдвигает своего ферзя.

В огромной, обитой войлоком зале дворца Каннских фестивалей человек в роговых очках борется с компьютером DEEP DLUE IV за звание чемпиона мира по шахматам. У него дрожит рука. Он нервно шарит в своем кармане. Ему хочется перестать курить. Напряжение слишком высоко.

Тем хуже.

Сигарета уже поднесена ко рту. Сладковатый аромат карамелизованного табака охватывает его горло, выходит через ноздри и улетучивается, слегка касаясь велюра портьер и красных кресел, превращаясь из завитков в кольца, которые, плавно извиваясь, рисуют бесконечные восьмерки.

Напротив шипящий компьютер, внушительный стальной куб в метр высотой. От него исходит запах озона и горячей меди, которая сочится сквозь его вентиляционную решетку.

Человек бледен и утомлен.

Я должен победить, думает он.

Несколько громадных экранов показывают его исхудавшее лицо крупным планом, лихорадочный взгляд.

Странное зрелище представляет собой этот роскошный зал, где свыше тысячи зрителей, раскрыв рты, следят за человеком, который ничего не говорит, не совершает ни единого движения. Он только думает.

Слева на сцене стоит вместительное кресло, в котором, поджав ноги, сидит игрок.

Посередине стол, шахматная доска и пластиковые часы с двумя циферблатами.

Справа суставчатая механическая рука, присоединенная кабелем к большому серебряному кубу, на котором готическими буквами выведено: DEEP DLUE IV. Благодаря компактной камере на треноге компьютер «видит» шахматную доску. Часы издают отчетливый звук. Тик-так. Тик-так.

Поединок длится уже неделю. Сегодня они играют с шести часов. Никому не известно, день сейчас или ночь. Внезапно появляется посторонний звук. В зал влетела муха.

Не расслабляться.

Счет равный. Каждый выиграл по три партии. Кто одержит верх сейчас, тот и станет победителем.

Игрок вытирает пот, каплями выступивший на лбу, и давит окурок.

Суставчатая рука напротив шевелится. Механический противник делает ход черным конем.

«Шах», – появляется надпись на экране DEEP DLUE IV.

Шум по залу.

Стальной палец нажимает на кнопку часов. Те отсчитывают секунды, напоминая человеку в роговых очках, что время тоже против него.

Способный мыслить быстрее, компьютер оказался впереди.

Муха кружится. Она выделяет умопомрачительные петли под огромным потолком зала, с каждым разом понемногу приближаясь к шахматной доске.

Человек слышит муху.

Не рассредоточиваться. Главное, остаться сконцентрированным.

Муха возвращается.

Человек старается не волноваться, внимательно смотрит на доску.

Доска. Человеческий глаз. За ним глазной нерв. Визуальная поверхность затылочной доли. Кора головного мозга.

В сером веществе игрока боевая тревога. Активизированы миллионы нейронов. По всей их длине проходят крошечные электрические разряды, высвобождая на концах нейромедиаторы. Это может породить быструю и сильную мысль. Идеи скачут, словно безумные мыши, в огромном чердаке-лабиринте его мозга. Сравнение настоящей ситуации с прошлыми партиями, победы и поражения. Изобретение новых возможных ходов. Импульс снова уходит в противоположном направлении.

Кора головного мозга. Спинной мозг. Мышцы пальца. Деревянная доска.

Человек спасает своего короля. Белого короля. Последний теперь в безопасности.

DEEP DLUE IV снова сжимает радужную диафрагму своей видеокамеры.

Анализ хода. Запуск. Подсчет.

Шахматная доска. Объектив видеокамеры компьютера. За ним оптический кабель. Материнская плата. Центральный процессор.

Изнутри процессор – город-спрут с микроскопическими проспектами из меди, золота и серебра, пролегающими между кремниевыми зданиями. Электрический импульс движется во все стороны, будто спешащий автомобиль.

Машина соображает, как бы поскорее нанести последний удар. Сравнивает настоящую ситуацию с миллионами уже завершенных партий.

Просчитав все возможные варианты, DEEP DLUE IV делает ход. Своей механической рукой он передвигает черную ладью на последнюю клетку, чтобы отрезать королю путь к побегу.

Теперь ход человека.

Тик. Так.

Часы еще выше приподнимают знамя времени.

Скорее. Было бы глупо проиграть часам.

Муха смело приземляется на доску.

«Тик-так. Тик-так», – говорят часы.

«Бззз», – лукаво изрекает муха, протирая глазки передними лапками.

Не думать о мухе.

Не оценив ход как следует, рука из плоти тянется к своему королю и вдруг, передумав, в последний момент меняет направление.

Сумасшедший.

Человек ловко приподнимает фигуру и давит ею муху, сидящую на белой клетке. Затем он нажимает на кнопку, чтобы перебросить время в лагерь противника. Спустя несколько секунд знамя должно опуститься. Тишина становится гнетущей.

Два желудочка человеческого сердца прерывисто сокращаются. Словно в замедленном темпе, воздух из легких проникает в голосовые связки. Рот открывается. Время останавливается.

– Шах и мат, – произносит человек.

Зал гудит.

Компьютер, удостоверившись, что никакой лазейки больше нет, осторожно берет своего короля медной рукой и кладет его на бок в знак покорности.

В зале дворца Каннских фестивалей безумные аплодисменты переходят в невероятную овацию.

Самюэль Феншэ только что победил компьютер DEEP DLUE IV, который до настоящего момента сохранял звание чемпиона мира по шахматам!

Чтобы успокоиться, он опустил веки.

3

Я выиграл.

4

Подняв веки, Самюэль Феншэ увидел перед собой штук двадцать журналистов. Они бросились к нему, протягивая микрофоны и магнитофоны.

– Доктор Феншэ, доктор Феншэ! Прошу вас!

Организатор матча, знаком приказав им вернуться на свои места, объявляет, что Феншэ сейчас возьмет слово.

Группа инженеров отключает DEEP DLUE IV, который, помигав диодами, прекращает жужжать и затухает.

Игрок поднимается на сцену и садится за стол, стоящий справа.

Аплодисменты повторяются.

– Спасибо, спасибо, – говорит Самюэль Феншэ, поднимая руку, прося тишины.

Просьба вызывает обратный эффект: возгласы усиливаются, и первая волна хаотических аплодисментов выливается в двойной ритм, так как люди хлопают в унисон.

Игрок терпеливо вытирает лоб белым платком.

– Благодарю.

Наконец аплодисменты стихают.

– Если б вы знали, как я счастлив, что выиграл этот поединок! О Боже, если б вы знали, как я счастлив! Своей... своей победой я обязан одному тайному средству.

Зал весь внимание.

– Теоретически компьютер всегда сильнее человека, потому что у него нет души. Выиграв, компьютер не чувствует ни радости, ни гордости. Проигрыш его не расстраивает и не разочаровывает. Укомпьютера нет эго. Он не испытывает жажды мщения. Компьютер всегда сконцентрирован, для игры он без усталости использует максимум своих возможностей. Вот почему компьютеры неизменно обыгрывали людей в шахматы... по крайней мере до сегодняшнего дня.

Доктор Феншэ улыбнулся, словно стесняясь сообщить такую простую истину.

– У компьютера нет души, но... у него нет и «мотива». DEEP DLUE IV знал, что в случае победы ему не светит лишнее электричество или программное обеспечение.

В зале слышатся смешки.

– Он не боялся, что его выключат в случае проигрыша. В то время как у меня... у меня был мотив! Я хотел отомстить за неудачу Леонида Каминского, произошедшую здесь же год назад, когда он играл против DEEP DLUE III, и, кроме того, отыграться за Гарри Каспарова, побежденного в Нью-Йорке DEEP DLUE в 97-м. Сегодняшнее событие я рассматриваю как реванш не только для этих игроков, но и для всего человечества в целом.

Самюэль Феншэ протирает очки платком, снова надевает их и оглядывает публику.

– Я боялся, что мне придется признать, что и впредь машины будут умнее в шахматах, нежели мы, люди. Но для человека, имеющего мотив, пределов не существует. Именно мотивация помогла Одиссею смело идти навстречу тысячам опасностей, когда он переплывал Средиземное море. Благодаря мотиву Христофор Колумб пересек Атлантику, а Армстронг преодолел пространство и добрался до Луны. Человечество будет обречено в тот день, когда у людей пропадет желание превзойти себя. И вы, те, кто меня слушает, задайте себе вопрос: «В самом деле, что заставляет меня вставать по утрам и приниматься за дело? Отчего я хочу прикладывать усилия? Что побуждает меня к действию?»

Доктор Самюэль Феншэ окидывает аудиторию утомленным взглядом.

– Какова ваша главная мотивация в жизни... вот, наверное, самый важный вопрос.

Он опускает глаза, словно извиняясь за свой порыв.

– Спасибо за внимание.

Он спускается со сцены, проходит сквозь восторженную толпу людей и присоединяется к своей невесте, Наташе Андерсен.

Прощавшись с публикой в последний раз, пара садится в черную спортивную машину и скрывается в облаке пыли, которое застывает под треском фотоаппаратов.

5

В тот же вечер доктор Самюэль Феншэ был найден мертвым на своей вилле Кап-д'Антиб. Об этом сообщил полуночный выпуск новостей.

Камера показывает место убийства, а за кадром слышится голос журналиста:

– ...Драма развернулась несколько часов спустя после победы Феншэ на чемпионате мира по шахматам.

Камера скользит по шикарному холлу и гостиной.

– ...Дело весьма загадочно, так как следователи не обнаружили никаких следов взлома...

Камера фиксирует детали интерьера: массивную мебель и предметы искусства. Среди них несколько картин Дали и скульптуры, изображающие древнегреческих философов.

– ...На жертве нет ни единой раны.

Открывается дверь ванной комнаты, и выходит Наташа Андерсен в сопровождении двух полицейских. Она старательно прячет лицо от камеры. Даже без макияжа, в такой ужасный момент, она сохраняет исключительную прелесть.

Появляется человек в зеленом костюме, давая указания заполнившим виллу полицейским. Журналист спрашивает его:

– Комиссар, скажите, что произошло?

– Менее часа назад нам сообщили об убийстве.

– Кто вам позвонил?

– Мадемуазель Андерсен.

– Не может быть!

– Она утверждает, что убила его, когда... они занимались любовью.

Комиссар теряет терпение.

– Следствие ведется. Мы сможем предоставить вам больше информации, когда получим официальное заключение врачей. Спасибо, что освободили проход.

Журналист вкратце рассказывает о карьере доктора Самюэля Феншэ. «Окончил медицинский институт в Ницце, получил диплом психоневролога и быстро поднялся по иерархической лестнице. В сорок два года ему доверили управление больницей Святой Маргариты, расположенной на одном из Леринских островов. Расширив ее, он ввел законы новой психиатрии, которые вызвали яростные споры среди его коллег, особенно парижан.

Засидевшись на старте в отличие от большинства великих шахматистов, играющих с раннего детства, он быстро стал мастером, затем гроссмейстером. Три месяца назад Самюэль Феншэ обыграл Леонида Каминского. Далее – победа над DEEP DLUE IV, которому пришлось вернуть человеку желанное звание лучшего в мире игрока в шахматы».

По телевизору снова показали отрывки матча и речи победителя.

Затем журналист говорит о карьере Наташи Андерсен, датской топ-модели: после двух шумных браков – с теннисистом и актером – она стала невестой способного шахматиста-психоневролога.

Журналист заканчивает фразой, которую он, видимо, тщательно обдумал:

– Могли ли «самые красивые ноги в мире» победить «лучший на свете мозг»? Если бы эта гипотеза подтвердилась, это был бы единственный случай смерти от любви.

Камера поспешно следует за носилками, которые заносят в машину «скорой помощи». Воспользовавшись неразберихой, журналист приподнимает покрывало и открывает лицо жертвы.

Быстрый наезд камеры на лицо покойного.

Похоже, перед смертью Феншэ был в экстазе.

6

– «...смерти от любви».

Изображение и звук за 954,6 км передаются через параболическую антенну. Антенна посылает сигналы на экран телевизора. Их принимают ухо и карий глаз. Палец нажимает на кнопку «стоп» видеоманитофона. Готово. Полуночные новости записаны.

Владелец пальца с минуту тщательно обдумывает увиденное и услышанное. Затем одной рукой хватает записную книжку, а другой – телефонную трубку и нервно набирает номер. Колеблется, бросает трубку и берет свое пальто. Выходит.

Он идет к огням проспекта. Плавно приближается машина со светящейся надписью наверху.

– Такси!

Дворники громко скребут по лобовому стеклу. Громадное черное облако изливает крупные, как мячики для пинг-понга, капли, которые не отскакивают, а тяжело разбиваются о мостовую.

Человек высаживается перед домом на Монмартре, порывы влажного ветра подгоняют его. Он сверяет адрес. Поднимается на несколько этажей, выходит и останавливается перед дверью, из-за которой доносятся звуки ударов по подвесной груше и синкопическая музыка.

Он нажимает на звонок под именем ЛУКРЕЦИЯ НЕМРО. Через мгновение музыка прекращается. Он слышит шаги и шум открывающихся замков.

В приоткрытую дверь показывается потное лицо молодой девушки.

– Исидор Катценберг...

Она удивленно смотрит на него. Вокруг его ботинок образовалась лужица.

– Добрый вечер, Лукреция. Можно войти?

Она все еще не осмеливается убрать цепочку, продолжая глядеть на него, словно пораженная таким поздним визитом.

– Так я могу войти? – повторяет он.

– Что вы здесь делаете?

Она как будто улыбается.

– Вы со мной на «вы»? Кажется, в последний раз мы были на «ты».

– «Последний раз» был три года назад. И с тех пор я о вас ничего не слышала. Мы снова стали чужими друг другу. Поэтому на «вы». Что вас привело?

– Я по работе.

Поколебавшись, она наконец убирает цепочку и приглашает мужчину войти, затем закрывает за ним дверь. Он вешает свое мокрое пальто на вешалку.

Исидор Катценберг с интересом рассматривает квартиру. Его всегда забавляло разнообразие увлечений молодой журналистки, освещающей научные темы. На стенах постеры фильмов, в основном американских и китайских боевиков. В центре гостиной, недалеко от низкого столика, заваленного женскими журналами, подвесная боксерская груша.

Он садится в кресло.

– Ваш визит действительно удивил меня.

– Я сохранил прекрасные воспоминания о том, как мы искали истоки человечества.

Лукреция кивает:

– Вижу. Я тоже не забыла.

Нечеткие картины их предыдущей совместной работы в Танзании вновь всплывают в ее памяти. Она еще внимательнее смотрит на него. Метр девяносто пять, более ста килограммов: неловкий великан. Кажется, он похудел.

Что-то его сильно беспокоит, видимо, он заставил себя прийти сюда.

Исидор Катценберг отрывает от переносицы свою тонкую позолоченную оправу и тоже внимательно смотрит на нее. Рыжие волосы, длинные и волнистые, стянутые черной бархатной лентой, миндалевидные глаза изумрудно-зеленого цвета, маленькие ямочки и острый подбородок – мимолетная красота, как на полотнах Леонардо да Винчи. Она кажется ему миловидной. Не красивой, но миловидной. Возможно, из-за возраста. Прошло три года. Во время их последнего дела ей было двадцать пять, значит, теперь ей двадцать восемь.

Она изменилась. Уже не столько нескладный мальчик, сколько молодая девушка. Но еще и не женщина.

На ней китайская курточка из черного шелка со стоячим, как у кителя, воротником, который скрывает шею, зато открывает округлые плечи. Сзади на курточке рыжий тигр во всю спину.

– Так что за «работу» вы мне предлагаете?

Исидор Катценберг взглядом что-то ищет в комнате. Замечает видеомэгафон, поднимается, вставляет кассету, которую достает из кармана, и нажимает на пуск.

Они вместе пересматривают сюжет о смерти Феншэ, переданный в теленовостях.

Кассета заканчивается сообщением о сильном дожде, похожем на тот, что идет за окном.

– Вы пришли ко мне в час ночи, чтобы показать новости?

– По-моему, невозможно умереть от любви.

– Ну-ну... вам всегда недоставало романтизма, дорогой Исидор.

– Напротив, я считаю, что любовь не убивает. Любовь спасает.

Она задумывается.

– В конце концов, мне это очень даже нравится, «смерть от любви». Хотела бы я когда-нибудь таким образом убить мужчину. Идеальное преступление, в хорошем смысле слова.

– Это всего лишь мое мнение, но, думаю, здесь речь идет не о преступлении, а об убийстве.

– А в чем разница?

– Это преднамеренное убийство.

Он кашляет.

– Вы простыли? – спрашивает она. – Вероятно, из-за дождя. Сейчас сделаю вам чай с бергамотом и медом.

Она ставит чайник.

Он растирается и отряхивается.

– С чего вы взяли, что оно преднамеренное?

– Доктор Самюэль Феншэ не первый умерший от любви. В 1899 году президент Французской Республики Феликс Фор был найден мертвым в доме свиданий. Шутки ради рассказывают, что прибывшие инспекторы спросили мадам: «Он еще в сознании?» На что та ответила: «Нет, он сбежал через заднюю дверь».

Лукреция не улыбается.

– К чему вы клоните?

– Полиция предпочла бы оставить дело в тайне, сказав, что президент скончался от сердечного приступа. Однако скоро оно получило огласку за пределами комиссариата. Пикантность обстоятельств гибели Феликса Фора помешала нормальному расследованию. Смерть в разгаре утех в публичном доме вызывает насмешки. Таким образом, никто серьезно и не копался в этом.

– Кроме вас.

– Просто из интереса, будучи студентом, я выбрал это дело темой для диссертации по криминологии. Я отыскал документы, нашел свидетелей. Раскрыл мотив. Феликс Фор собирался провести антикоррупционную программу, даже внутри секретных служб.

Лукреция Немро наполняет две чашки душистым чаем.

- Если не ошибаюсь, Наташа Андерсен призналась в убийстве Самюэля Феншэ.
- Торопясь проглотить свой чай, Исидор обжигает язык и принимается дуть поверх чашки.
- Она *думает*, что убила его.

Для виду он просит ложечку и начинает быстро вертеть ею, будто желает таким образом остудить чай.

- Вот увидите, теперь за ней многие будут ухаживать...
- Мазохизм? – без малейшего стеснения спрашивает Лукреция, глотая горячий напиток.
- Любопытство. Очарование слияния Эроса, бога любви, с Танатосом, богом смерти. К тому же силен архетип богомола. Вы никогда не слышали о том, что самки этих насекомых убивают самцов во время полового акта, отрывая им голову? Это завораживает, потому что напоминает о чем-то глубоко сидящем в нас...

- Страх любви?
- Скажем, любви, связанной со смертью.
- Одним глотком она допивает свой все еще горячий чай.

– Чего вы хотите от меня, Исидор?

– Мне бы хотелось, чтобы мы снова стали работать вместе. Провели расследование убийства доктора Самюэля Феншэ... По-моему, следует продолжить исследования мозга.

Лукреция Немро поджимает под себя ноги, чтобы устроиться поглубже на диване, и оставляет пустую чашку.

– Мозга?.. – задумчиво повторяет она.

– Да, мозга. В нем разгадка этого дела. Разве жертва не была как раз «лучшим мозгом в мире»? И еще вот что. Смотрите.

Исидор Катценберг подходит к видеомагнитофону и перематывает кассету, чтобы вернуться к словам Феншэ: «...Своей победой я обязан тайному средству».

Он водружает на телевизор свою по-прежнему полную чашку и останавливает изображение.

– Вот тут, глядите, насколько сильно сияют его глаза, когда он произносит слово «мотивация». Удивительно, не правда ли? Словно он хотел дать нам указание. Мотивация. Я задаю вам этот вопрос: какова ваша жизненная мотивация, Лукреция?

Она молчит.

– Вы мне можете помочь? – спрашивает он.

Она убирает с телевизора чашку и идет к раковине.

– Нет.

Не останавливаясь, она снимает шапку и еще мокрое пальто Катценберга и направляется к видеомагнитофону, чтобы вытащить кассету.

– Я считаю, что никакого убийства не было. Просто несчастный случай. Сердечный приступ от перенапряжения и стресса на чемпионате. А что касается проблем с мозгом, то они есть именно у вас, и болезнь ваша имеет название: ми-фо-ма-ния. Она излечима. Стоит лишь перестать видеть во всем фантастику и начать принимать реальность такой, какая она есть. На этом... спасибо, что зашли.

Удивленный и разочарованный, он медленно поднимается.

Внезапно она застывает, словно парализованная, и прижимает руку к щеке.

– Что с вами?

Лукреция Немро не отвечает. С искаженным лицом она держится обеими руками за челюсть.

– Скорей, скорей, аспирин! – стонет она.

Исидор бросается в ванную, перерывает аптечку, находит белую упаковку, вынимает таблетку и приносит ее вместе со стаканом воды. Она жадно глотает.

– Еще одну. Скорее. Скорее.

Он повинуется. Немного спустя химикат усыпляет боль. Лукреция понемногу оправляется. Она часто дышит.

– Убирайтесь! Не видите, что ли? Мне вчера выдрали зуб мудрости... Мне плохо, очень плохо, я хочу остаться одна. (*Терпеть не могу, когда он видит меня слабой. Пусть уходит!*)
Уходите! УХОДИТЕ!

Исидор отступает.

– Ладно, думаю, вы только что обнаружили первый мотив наших действий: остановить боль.

Она захлопывает дверь перед его носом.

7

Среда, собрание еженедельного журнала «Геттер модерн». В хорошо оформленном центральном кабинете собрались все журналисты. Каждый по очереди предлагает сюжеты для будущих номеров, а Кристиана Тенардье, глава отдела «Общество», выслушивает их в своем большом кожаном кресле.

– Давайте побыстрее, – говорит она, поправляя свои обесцвеченные волосы.

Журналисты, слева направо, защищают свои сюжеты. Ответственный за рубрику «Образование» предлагает статью о неграмотности. За десять лет количество людей, не умеющих читать и писать, возросло с 7 до 10 процентов. И эта цифра продолжает расти. Материал принят.

В рубрику «Экология» журналистка Клотильда Планкое планирует дать статью о вреде мобильных телефонов, которые испускают губительные лучи.

Сюжет отвергнут. Один из акционеров журнала как раз является оператором сотовой сети, об этом не может быть и речи.

Тема загрязнения рек удобрениями? Отказано, слишком технично. У журналистки больше нет материалов, и она уходит раздосадованная.

– Следующий, – небрежно бросает Кристиана Тенардье.

В рубрику «Наука» Франк Готье предлагает разгромную статью о так называемых шарлатанах гомеопатии. Он объясняет, что находит целесообразным разоблачить всех специалистов по иглоукалыванию. Принято.

– Ну, как твои зубы мудрости, Лукреция? – шепчет Франк Готье, садящейся рядом с ним коллеге по рубрике.

– Стоило мне сходить к парикмахеру, как они сразу перестали болеть, – бормочет она.

Готье удивленно смотрит на Лукрецию.

– К парикмахеру?

Лукреция говорит про себя, что мужчины никогда не поймут женскую психологию. Поэтому она и не пытается объяснять, что поход к парикмахеру или покупка новых туфель – лучший способ для женщины поднять себе настроение, а следовательно, и иммунитет.

Наступает очередь Лукреции Немро.

Журналистка подготовила несколько тем. Первая – коровье бешенство.

– Уже было.

– Ящур? Чтобы сделать запас вакцины, убивают тысячи баранов!

– Ерунда.

– СПИД? После тритерапии погибли миллионы людей, об этом никто не говорит.

– Вот именно: это уже не в моде.

– Коммуникация растений при помощи обоняния? Заметили, что некоторые деревья способны ощущать клеточное разложение рядом с собой. Значит, дерево чувствует, когда возле него совершается преступление...

– Слишком технично.

– Самоубийство молодежи? Двенадцать тысяч случаев за этот год, не считая ста сорока тысяч попыток. Чтобы помочь людям покончить с собой, создана организация под названием «Выход».

– Слишком нездорово.

Волнение. В ее блокноте идей больше нет. Все журналисты смотрят на нее. Тенардье это как будто забавляет. Миндалевидные зеленые глаза журналистки потухают.

Оплошала. Клотильда ушла, на роль козла отпущения никого больше нет. Что толку перебирать сюжеты. Она все отвергла только ради того, чтобы я провалилась. Как из этого

выпутаться? Оставаться профессионалом. Не считать, что эти отказы из-за личного неприятия. Найти тему, которую невозможно отвергнуть. У меня остался лишь один козырь. Последний.

– Мозг, – предлагает она.

– Что «мозг»? – спрашивает Кристиана, роясь в своей сумочке.

– Статья о работе мозга. Каким образом простой орган воспроизводит мысли.

– Несколько широко. Надо бы сузить.

– Смерть доктора Феншэ?

– Шахматы никого не интересуют.

– Этот Феншэ обладал исключительными способностями. Он был исследователем, который пытался понять, как функционирует то, что внутри нашего черепа.

Глава отдела одним движением выворачивает свою сумочку, и на стол высыпается груда всяких предметов, от губной помады до мобильного телефона вперемешку с чековой книжкой, ручкой, ключами, маленьким газовым баллончиком и лекарствами без упаковок.

Молодая журналистка продолжает свои доводы, посчитав, что, если еще не сказали «нет», значит, возможно, скажут «да».

– Взлет Самюэля Феншэ в шахматном мире был просто головокружительным. Телевидение сообщало об этом по всему миру. И вдруг – раз, в день своей победы он умирает в объятиях топ-модели Наташи Андерсен. Никакого взлома. Никаких ран. Единственно очевидная причина смерти: наслаждение.

Глава отдела «Общество» находит наконец что искала. Сигару. Она вынимает ее из целлофанового чехла и затягивается.

– Ммм... Наташа Андерсен, это та великолепная блондинка, манекенщица с длинными ногами и большими голубыми глазами, которая была на обложке «Бель» на прошлой неделе? А есть фотографии, где она голая?

Оживляется Олаф Линдсен, арт-директор, который до сих пор что-то быстро записывал в своей тетрадке.

– Гм. Нет. Несмотря на ее скандальную репутацию, или, возможно, именно из-за нее, Наташа никогда не позировала обнаженной. Только в купальнике. В лучшем случае в мокром купальнике.

Кристиана Тенардье отрезает кончик своей сигары маленькой гильотинкой и, пожевав, выплевывает его в мусорную корзину.

– Жаль. А если подправить купальник на компьютере?

– Могут подать в суд, – заверяет специалист. – Если я не ошибаюсь, последняя линия журнала: «Главное – никаких тяжб». Уже потеряно много денег.

– Ладно, тогда фото в купальнике пооткровенней, в мокром купальнике, чтобы немного просвечивало. Вот что нужно раздобыть.

Кристиана Тенардье сигарой указывает на Лукрецию.

– Да, в конце концов, мозг неплохая идея. Это должно пойти. Но вашу статью надо направить на то, что привлекает людей. Анекдоты, например. Испытанные приемы. Опишите химические процессы, происходящие в мозге во время занятия сексом. Я даже не знаю. Гормоны. Оргазм.

Лукреция отмечает рекомендации в своем блокноте, будто речь идет о списке покупок.

– Еще можно поговорить о провалах в памяти. Но это, скорее, для пожилых читателей. Осталось добавить небольшой тест: «Не пора ли обратиться к врачу?» Вы сможете достать такое, Олаф? Запутанную картинку, а после – вопросы по ней. Есть фотографии этого Феншэ?

Арт-директор кивает.

– Великолепно. Как бы назвать эту статью... скажем... «Загадки мозга»? Нет, лучше: «Тайны мозга». Да, можно было бы назвать так: «Тайны мозга» или «Разгадка последних тайн

мозга». И фотография полуголой Наташи Андерсен на фоне шахматной доски; такая обложка привлечет внимание.

Лукреции полегчало.

Сработало. Спасибо, Исидор. Теперь надо усилить хватку. Продвигаться дальше, но без резких движений. Иначе она отдаст тему Готье.

– Доктор Феншэ и Наташа Андерсен жили на Лазурном берегу, в Каннах. Вероятно, мне надо расследовать дело там, – говорит журналистка.

Тенардье становится более сдержанной.

– Вы прекрасно знаете, что в рамках ограничения бюджета мы стараемся делать все репортажи в Париже.

Глава рубрики неприветливо смотрит на молодую журналистку.

– Впрочем... Учитывая, что сюжет будет на первой полосе... можно сделать исключение. Будем четкими: учет расходов, никаких излишков. И не забудьте каждый раз включать НДС, ясно?

Обе с вызовом посмотрели друг на друга. В глазах Лукреции уже не было блеска.

Тенардье уважает людей с чувством собственного достоинства. Она презирает тех, кто лебезит перед ней.

– Могу я взять в помощь внештатного журналиста? – спрашивает Лукреция Немро.

– Кого?

– Катценберга, – произносит она, поднимая голову.

– Ах, этот, он еще жив? – удивляется Тенардье. Она медленно тушит свою сигару. – Мне не нравится этот тип. Он нам не с руки. Он слишком нелюдим. Излишне претенциозен. Точное его определение: «высокомерный». Меня раздражает эта его надменность Господина Всезнайки. Вы в курсе, что это я постаралась, чтобы его выкинули из отдела?

Лукреция наизусть знала историю Исидора Катценберга. Бывший полицейский, знаток криминологии, он был виртуозом по части анализа следов преступления. Расследуя что-либо, он всегда опирался на научные достижения, но начальство сочло его слишком независимым, и постепенно ему перестали доверять дела. Тогда он пришел в научную журналистику, где стал применять технику полицейского следствия в журналистских расследованиях. Особенно его оценили в «Геттер модерн», где один из курьеров прозвал его Научным Шерлоком Холмсом. Однако внезапный террористический акт в парижском метро, когда он оказался единственным выжившим среди расчлененных тел, его ошеломило. С тех пор он начал свой собственный крестовый поход против насилия. Ни о чем другом он больше не хотел писать. Затем Исидор Катценберг снова залез в свою раковину. В одиночку он взялся за необычное дело: стал продумывать будущее человечества. На огромном, во всю стену, листе бумаги он начертил древовидную схему, отражающую все возможные варианты будущего. На каждой ветви было написано «если». «Если» приоритет отдадут обществу досуга, «если» великие державы начнут войну, «если» верх возьмет либерализм, социализм, роботизм, завоевание пространства, религия и т.п. Корни, ствол, ветви представляли собой прошлое, будущее и настоящее людского рода. Анализируя возможное будущее, в этом древе вероятностей он хотел отыскать ПНН, Путь наименьшего насилия.

Лукреция держится молодцом.

– Наши читатели все еще ценят Исидора Катценберга, как мне кажется, его имя связано с наиболее обстоятельными материалами журнала.

– Нет, наши читатели уже забыли о нем. Журналист, который не публиковался больше года, перестает существовать. Мы делаем однодневное искусство, дорогуша. И к тому же вы ведь знаете, насколько Исидор был потрясен тем случаем в метро. По-моему, он тронулся головой.

Тенардье боится его.

– Он мне необходим, – произносит Лукреция.

Брови поднимаются от удивления.

– А я говорю вам, что мне не нужен этот ваш Катценберг. Хотите вести дело в паре, берите Готье, он вам явно больше подходит!

Готье кивает.

– В таком случае я лучше откажусь, – заявляет Лукреция.

Присутствующие удивлены.

– Кем вы себя считаете, мадемуазель Немро? Ваша должность не позволяет вам даже отказаться. Вы всего лишь мелкий журналист. То есть никто.

Взгляд Лукреции останавливается. Дыра от вырванного зуба испускает колющую боль. Призвав всю свою волю, она пытается с ней совладать.

Только не сейчас, зуб, только не сейчас.

– Полагаю, все сказано.

Лукреция встает и собирает свои бумаги.

Только бы рот не искривился.

Тенардьё смотрит на нее по-другому. Ее лицо скорее выражает удивление, нежели гнев. Лукреция чувствует себя маленькой мышкой, которая потянула за усы львицу и продолжает ее дразнить. Это не умно, но забавно.

Я получила удовольствие от того, что хоть раз в жизни это сделала.

– Подождите, – бросает Тенардьё.

Не оборачиваться.

– Итак, вы быстро растете. И не для того, чтобы вызвать мою неприязнь. Я была почти такой же в молодости. Вернитесь.

Аккуратно сесть, не показать своего удовлетворения.

– Хорошо... можете взять своего Катценберга, если он вам так нужен, но никаких расходов на него и упоминания его имени в статье. Он помогает в расследовании, но не пишет. Вы думаете, он примет такие условия?

– Примет. Я его знаю, он занимается этим не ради славы и денег. Для него имеет значение лишь один важный вопрос, который завладел его умом: «Кто убил Феншэ?»

8

Мсье Жан-Луи Мартен был обычным человеком.

9

В апреле в Каннах хорошая погода.

В городе недельная передышка между игровым и документальным кинофестивалями.

По Круазет, дымя выхлопными газами, тарыхтит мотоцикл с коляской. Он проезжает мимо роскошных отелей, которыми славится город: «Мартинез», «Маджестик», «Эксельсиор», «Карлтон», «Хилтон». Мотоцикл ведет молодая девушка в красном плаще; ее лицо скрывают летные очки, а на голове – круглый кожаный шлем. В коляске полный мужчина, одетый почти так же, только плащ его черный.

Мотоциклисты паркуются возле «Эксельсиора». Они долго стряхивают с себя пыль, снимают дорожную одежду и направляются к столу регистрации. Берут самый дорогой номер с видом на море.

Тенардые побелеет от злости.

Они проходят вперед, будто княжеская чета. Молча добираются до своего номера, где лакей отворяет ставни и открывается чудесный вид на море, пляж, на Круазет. Прямо перед ними, словно усыпанная звездами, сверкает вода.

Несколько смельчаков уже плещутся в еще прохладном Средиземном море.

Лукреция Немро заказывает два фруктовых коктейля.

– Не верю вашей версии об убийстве. Я рада расследовать это дело для газеты, но я вам докажу, что вы не правы. Не было никакого убийства. Доктор Самюэль Феншэ и в самом деле умер от любви.

Внизу громко сигналият машины.

– Я по-прежнему убежден, что ключ к этой загадке – мотивация, – продолжает Исидор Катценберг, игнорируя замечание. – Со времени нашей последней встречи я провел небольшой опрос по этому поводу. Каждому я задавал один и тот же вопрос: «Что побуждает вас к действию?» В общем, основной мотив остается: прекратить страдание.

Снова появляется лакей. Он несет два цветных стакана, украшенных зонтиками, засахаренной вишней и кусочками ананаса.

Лукреция отпивает глоток янтарной жидкости и старается не думать о дырке в десне, которая все еще побаливает.

– А что же побуждает к действию вас, Исидор?

– На данный момент, вы это прекрасно знаете, Лукреция, желание разгадать эту загадку. Она грызет ноготь.

– Начинаю вас узнавать. Конечно, это единственный мотив.

Лукавая улыбочка.

Он не оборачивается и продолжает смотреть на море.

– Нет. У меня есть еще один мотив, более личного характера.

Она съедает засахаренную вишенку.

– Гм... По-моему, я теряю память. Например, когда я начинаю фразу, а меня перебивают, я теряю нить и не могу вспомнить, о чем говорил. Точно так же мне стало трудно запоминать номера, например коды, чтобы войти в здания, или номера моих кредиток. Меня это беспокоит. Боюсь, мой мозг стал работать хуже.

Поставив локти на подоконник, Лукреция смотрит на море.

Слон теряет память.

– Вы, наверное, переутомились. К тому же сейчас приходится запоминать столько разных цифр... Теперь они на машинах, в лифтах, в компьютерах.

– Я прошел экзамен в клинике памяти, в парижской больнице Питье-Сальпетриер. И они ничего такого не нашли. Расследуя это дело, я надеюсь лучше понять мой мозг. У моей

бабушки со стороны отца была болезнь Альцгеймера. В конце концов бабушка перестала меня узнавать. Она встречала меня словами: «Здравствуйте, мсье, вы кто?» А моему деду говорила: «Вы не мой муж, он гораздо моложе и красивее вас». Его это сильно задевало. Когда приступы проходили, она очень страдала от сознания того, что с ней случилось. Одна мысль, что это может произойти со мной, приводит меня в ужас.

Вдали желтое солнце становится оранжевым. Посеребренные облака проплывают по небу. Долгое время оба журналиста созерцают горизонт, радуясь, что они в Каннах, в то время как остальные парижане все еще в плену своего серого города.

Мгновение отдыха и тишины.

Лукреция отмечает про себя, что люди чаще думают, чем говорят, а из-за этого теряется много информации.

Мы не знаем их мыслей, то, что они несут в себе.

Внезапно Исидор подскакивает и смотрит на часы.

– Скорее, новости начинаются!

– Что же там такого животрепещущего? – возмущается Лукреция.

– Мне надо знать, что происходит в мире.

Анонсы уже прошли, и теперь каждый сюжет преподносится детально.

«Забастовка преподавателей лицея. Они требуют повышения заработной платы».

На телевизионном экране появляются демонстранты.

– Вот, пожалуйста, мотив всегда один и тот же, – скептически усмехается Лукреция.

– Ошибаетесь. На самом деле они требуют не денег, а уважения. Раньше преподаватели имели большое значение, а теперь им приходится не только воевать с учениками, которые их не ценят, но еще и администрация просит нести тяжелое бремя: заменять несостоявшихся родителей. Преподавателей выставляют в невыгодном свете, будто только они жаждут каникул и привилегий, тогда как они всего лишь хотят благодарности. Поверьте, если бы они могли, на их транспарантах было бы написано «Больше уважения», а не «Больше денег». Вообще свои истинные мотивы люди высказывают очень редко.

Диктор продолжает свою канитель:

«В тайной лаборатории Колумбии, финансируемой различными объединениями, разработан новый наркотик, вызывающий мгновенное привыкание. Это вещество, уже оцененное во Флориде, подмешивали в сангрию на студенческой вечеринке. Наркотик парализует волю тех, кто его принял. Сразу поступило множество жалоб об изнасиловании».

«В Афганистане талибский парламентский совет принял решение запретить женщинам обучение в школе, а также лечение в больницах. Кроме того, женщинам запрещено выходить без чадры и разговаривать с мужчинами. Толпа закидала камнями одну женщину, потому что ее обувь была светлого цвета».

Лукреция замечает, что Исидор потрясен.

– Зачем вы каждый вечер смотрите эти ужасы?

Исидор молчит.

– Что случилось, Исидор?

– Я слишком чувствителен.

Она выключает телевизор.

Он в раздражении снова его включает.

– Слишком просто. Я бы чувствовал себя трусом. Пока в мире есть хоть капля жестокости, я не могу оставаться спокойным. Не желаю прятать голову в песок.

Она шепчет ему на ухо:

– Мы здесь, чтобы расследовать строго определенное преступление.

– Именно. И это заставляет меня задуматься. Мы расследуем смерть одного человека, а ведь каждый день убивают тысячи людей, и при еще более гнусных обстоятельствах, – говорит он.

– Но если мы бросим это дело, смертей будет тысячи... и одна. И возможно, это все потому, что каждый думает: в любом случае ничего не изменится, число смертей продолжит расти, и в действительности никто не расследует ни одного преступления.

Задетый этим доводом, Исидор соглашается выключить телевизор. Он закрывает глаза.

– Вы спрашивали, какой у меня мотив? Мне кажется, он несколько широк: это страх. Я действую, чтобы страх прекратился. С детства боюсь всего. Я никогда не знал покоя, может, поэтому мой мозг так хорошо работает. Чтобы я мог защититься от опасностей, реальных и воображаемых, близких или дальних. Порой мне кажется, что весь мир – сплошная ярость, несправедливость, насилие, стремление к смерти.

– Чего же вы боитесь?

– Всего. Боюсь жестокости, боюсь загрязнения, боюсь злых собак, боюсь охотников, женщин, полицейских и военных, боюсь болезней, боюсь потерять память, боюсь старости, смерти, а иногда боюсь даже самого себя.

Вдруг он подскакивает от внезапного звука. Это хлопнула дверь. Появляется горничная. Она вносит миндаль в шоколаде с вишневым ликером. Презент от отеля. Она извиняется, суется и исчезает, хлопнув дверью.

Лукреция Немро достает свою записную книжку и отмечает:

«Итак, первый мотив: прекращение боли. Второй мотив: избавление от страха».

10

Мсье Жан-Луи Мартен действительно был самым обычным человеком. Образцовый муж женщины, умеющей прекрасно готовить телятину маренго, отец трех непоседливых дочерей, он жил в пригороде Ниццы, где занимался крайне подходящим ему ремеслом: служил ответственным руководителем юридического отдела в НБКП Ницкого банка кредита и переучета.

Его ежедневная работа состояла в том, чтобы вносить в центральный компьютер банка список клиентов, счет которых был отрицательным. Он выполнял свои обязанности со спокойствием и безразличием, радуясь, что ему не надо говорить с ними по телефону, как это делал его сосед по кабинету, Бертран Мулино.

– Уважаемая госпожа, с удивлением уведомляем, что у вас дебетовый счет. Сожалеем, но мы обязаны напомнить вам о порядке... – слышал он через перегородку.

В субботу вечером, рассевшись на диване, Мартены всей семьей смотрели передачу «Забирай или удвой».

Забирай: я на этом останавливаюсь, мой выигрыш невелик, зато я уверен, что не останусь ни с чем. Удваивай: продолжаю игру, рискую и могу сорвать большой куш.

Волнение игроков, когда они вот-вот все потеряют или, наоборот, приобретут, приводило семейство в восторг. Каждый из них спрашивал себя, что бы он сделал на их месте.

Здесь была вся драма людей, в азарте дразнящих свою удачу, считая себя особенными.

Публика постоянно побуждала их к риску. «Удвой! Удвой!» – кричала она. И Мартены кричали вместе с ней.

Дождливыми воскресными днями Жан-Луи Мартен любил играть в шахматы с Бертраном Мулино. Он считал себя не более чем «переставлятелем деревяшек», но при этом говорил: «Лучше красивая игра, а не победа любой ценой».

Лукулл, старая немецкая овчарка, знал, что во время шахматной партии его приласкают. Он чувствовал ход игры: когда хозяин был в затруднении, ласки становились более грубыми, и наоборот, нежными, когда тот выигрывал.

После сражения приятели попивали ореховую водку, а их неработающие жены громко обсуждали в гостиной школы своих детей и возможности продвижения мужей по службе.

Еще Жан-Луи Мартен любил поупражняться в живописи, рисуя маслом картины, подражал своему кумиру Сальвадору Дали.

Так безмятежно протекала жизнь, и он не чувствовал ее течения. Банк, семья, пес, Бертран, шахматы, «Забирай или удвой», живопись Дали. Отпуск казался ему чуть ли не неприятностью, грозившей разрушить заданный ритм.

Его заботило только одно: чтобы «завтра» стало еще одним «вчера». И каждый вечер, засыпая, он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

11

Он храпит!

Лукреция не может заснуть. Она открывает дверь в комнату Исидора и смотрит, как он спит.

Прямо как огромный ребенок.

Поколебавшись, она тормошит его.

Исидор медленно приходит в себя; ему привиделось, что он в новых городских ботинках, под которыми поскрипывал снег, пробирается сквозь метель к маленькой темноватой хижине.

Лукреция включает верхний свет. Он вздрагивает и приоткрывает левый глаз.

– Ммм?

Где я?

Он узнает девушку.

– Который час? – потягиваясь, спрашивает Катценберг.

– Два часа ночи. Все спокойно, и я хочу спать.

Он полностью открывает левый глаз.

– И поэтому вы меня разбудили? Сообщить мне, что хотите спать?

– Не только.

Он морщится.

– Вы, случайно, бессонницей не страдаете, а, Лукреция?

– Когда-то я была лунатиком. Но уже давно у меня не было приступов. Я читала, что лунатик во время приступа видит то, что ему снится. А еще я читала, что кошки при разрыве связи между полушариями их мозга начинают с закрытыми глазами изображать то, что им снится. Вы в это верите?

Он падает на кровать и прячется от света под простыней.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Знаете, Исидор, мне очень приятно заниматься этим расследованием с вами, но вы храпите. Именно это меня и разбудило, и поэтому я здесь.

– Да? Простите. Хотите взять отдельный номер?

– Нет. Лягте на бок. Тогда мягкое небо у вас в горле не будет вибрировать. Это просто вопрос дисциплины.

Она пытается принять более приветливый вид.

– Сожалею, ОК, постараюсь, – бормочет он.

Удивительно, какую естественную покорность проявляют даже самые харизматичные мужчины перед женщиной, которая знает, чего хочет, думает Лукреция.

– Почему вы меня слушаетесь? – интересуется она.

– Возможно... Свободная воля мужчины заключается в том, чтобы найти женщину, которая будет решать за него.

– Неплохо. Что-то я проголодалась. Мы вчера не ужинали. Почему бы нам не заказать еды? Как думаете, Исидор?

Она достает записную книжку, просматривает свой список и оживленно добавляет:

– Третьим мотивом я ставлю голод. Я слушаю свое тело, которое требует пищи и говорит, что не заснет, пока его не покормят. Я уже не могу заниматься ничем другим. Поесть становится для меня просто необходимо. Итак... Первое: прекращение боли; второе: исчезновение страха; третье: утоление голода.

Исидор бормочет какие-то непонятные слова и снова забирается под одеяло. Она вытаскивает его оттуда, чтобы заставить себя слушать.

– Голод... Это ведь первичный мотив человечества, да? Именно от голода изобрели охоту, земледелие, хранилища, холодильники...

Он слушает вполуха.

– Сон тоже не менее важен, – говорит он, приподнимаясь на локте и рукой заслоняя глаза от света. – Да, в третьем пункте мы могли бы объединить голод, сон, тепло в один большой мотив: нужды выживания.

Она делает исправления в записной книжке и хватает телефонную трубку, чтобы сделать заказ.

– Я возьму спагетти. А вы что будете?

– Ничего, спасибо. Я бы спал, – говорит он, стараясь подавить зевоту и держать веки открытыми.

– Что будем делать завтра? – весело спрашивает Лукреция.

Он снова с трудом открывает глаза.

– Завтра? – повторяет он, словно это было труднодостижимое понятие.

– Да, завтра, – говорит она, упирая на последнее слово.

– Завтра осмотрим тело Феншэ. Вы бы не могли выключить свет, прошу вас?

Покой темноты.

Он падает на кровать, переворачивается на бок и, прижав к груди одеяло, засыпает без храпа.

Как он любезен, думает Лукреция.

Ему опять снится, что он идет сквозь снегопад в своих новых скрипящих по снегу ботинках. Он входит в хижину. Внутри – Лукреция.

12

Жизнь Жана-Луи Мартена резко изменилась одним воскресным вечером. После ужина и последующей партии в шахматы у Бертрана он спокойно прогуливался вместе со своей женой Изабеллой.

Была зима, и шел снег. Улица была пуста в этот поздний час. Они шли очень осторожно, чтобы не поскользнуться. Внезапно раздался шум мотора. Шины завизжали, машина не удержалась на обледенелой земле. Жена Мартена чудом увернулась. Он не успел.

Едва поняв, что происходит, он был сбит и подброшен в воздух. Далее темп замедлился.

Удивительно, сколько информации можно получить в одно мгновение. Ему казалось, что сверху он видит все, и особенно жену, которая смотрит на него раскрыв рот, в то время как пес даже морду не повернул.

Машина укатила, не останавливаясь.

Он все еще был между небом и землей и думал очень быстро. Сразу за удивлением последовала боль. Как до этого он перестал что-либо чувствовать, словно все нервы заблокировались и сигнал не проходил, так теперь он остро ощутил удар, будто волна кислоты разлилась по всему его телу.

МНЕ БОЛЬНО.

Ужасная боль. Бесконечное жжение. Как тогда, когда он схватил оголенный электрический провод и получил разряд в двести двадцать вольт. Или когда машина, отъезжая, проехала ему по пальцам ног. Все былые «внезапные и сильные боли» вновь вспомнились ему. Рука, сломанная в результате падения с лошади. Прищемленные дверью пальцы. Одноклассник, с силой выдирающий его волосы в драке на переменке. В каждый из этих моментов он думал об одном: пусть это прекратится. Немедленно прекратится.

Перед падением на землю, его пронзила еще одна мысль:

«Мне страшно умирать!»

13

Каннский морг. Он находится на авеню де Грасс, 223. Это хорошо отделанное здание, снаружи больше напоминающее красивую усадьбу, нежели дом смерти. Сиреневые лавровые деревья украшают сад, окруженный кипарисами. Парижские журналисты заходят. Потолки внутри здания высокие, на стенах – белые и фиолетовые декоративные обои.

На первом этаже располагаются несколько похоронных бюро, сюда же приходят семьи, чтобы в последний раз почтить своего покойного родственника, заgrimированного, с кожей, снова наполненной кислородом, благодаря канифоли и формалину.

Чтобы попасть в подвал, где находится судебно-медицинская лаборатория, Исидору Катценбергу и Лукреции Немро надо пересечь узкий коридор, за которым наблюдает консьерж-антилец с длинными заплетенными волосами. Он поглощен чтением «Ромео и Джульетты».

– Добрый день, мы журналисты и хотели бы встретиться с судебно-медицинским экспертом по делу Феншэ.

Консьерж не сразу достаивает их взглядом. Драма, произошедшая когда-то с веронскими любовниками, а также с их родителями, родственниками и друзьями, казалось, потрясла его, и поэтому у него такой грустный вид, когда он открывает окошко, защищающее его от непрошенных посетителей.

– Сожалею, есть четкая инструкция: кроме следователей, никого в лабораторию не пропускать.

Консьерж-антилец снова погружается в свою книгу как раз на том моменте, когда Ромео объясняется в любви, а Джульетта говорит ему, с какими неприятностями он может столкнуться из-за ее недалеких родителей.

Исидор Катценберг лениво вытаскивает купюру в пятьдесят евро и прижимает к окошку.

– Это вас не интересует? – рискует он.

Ромео и Джульетта слегка теряют свою привлекательность.

Окошечко открывается, и оттуда высовывается проворная рука, готовая схватить купюру. Исидор обращается к своей подруге:

– Лукреция, запишите четвертый мотив: деньги.

Она вынимает записную книжку и пишет.

– Тс-с-с-с, нас могут услышать, – говорит консьерж.

Он хватает купюру, но Исидор ее не отпускает.

– Что вы сделаете с этими деньгами? – спрашивает он.

– Отпустите, вы ее разорвете!

Оба сжимают купюру и тянут в противоположных направлениях.

– Что вы сделаете с этими деньгами?

– Ну и вопрос! Вам-то что с того?

Исидор не ослабляет руку.

– Ну хорошо... даже не знаю. Куплю книг. Дисков. Фильмов, – отвечает охранник.

– Как можно назвать эту четвертую потребность? – громко спрашивает Лукреция, которую забавляют ситуация и смущение консьержа.

– Скажем, потребность в комфорте. Первое: прекращение боли; второе: избавление от страха; третье: удовлетворение нужд выживания; четвертое: удовлетворение потребности в комфорте.

Консьерж сильнее тянет купюру и наконец получает ее. Дабы избавиться от этих шумных людей, он нажимает на кнопку – и большая стеклянная дверь с рычанием открывается.

14

Когда Жан-Луи Мартен очнулся, он обрадовался, что выжил. Затем он возликовал, что не чувствует никакой боли.

Он понял, что лежит в больничной палате, и решил, что все же должен иметь какие-нибудь повреждения. Не поднимая головы, он посмотрел на свое тело, одетое в пижаму, и убедился, что все четыре конечности на месте, нигде нет ни гипса, ни шины. Он испытал облегчение, что цел. Попробовал пошевелить рукой, но она не двинулась. Попробовал шевельнуть пальцем. Снова безрезультатно. Он хотел закричать, но не смог открыть рот. Ничего не работало.

Осознав свое состояние, Жан-Луи Мартен пришел в ужас. Единственное, что он мог – видеть только одним глазом и слышать только одним ухом.

15

Запах селитры – в подвале. Все-таки морг. Серые коридоры. Наконец они доходят до нужной двери. Стучат. Никто не отвечает. Они входят. Стоящий к ним спиной высокий мужчина помещает пробирку в центрифугу для физиологических исследований.

– Мы по делу Феншэ...

– Кто вас впустил? А, консьерж, должно быть. Ну теперь он у меня получит!

Каждый, кто обладает малейшей властью, злоупотребляет ею, чтобы показать свою значительность.

– Мы журналисты.

Мужчина оборачивается. Черные волнистые волосы, маленькие полукруглые очки, хорошая выправка. На кармане его халата вышито: «Профессор Жиордано». Он внимательно и недружелюбно рассматривает их.

– Я уже все сказал криминальной полиции. Обратитесь к ним.

Не дожидаясь ответа, он забирает свою пробирку и уходит в другую комнату.

– Надо найти его мотивацию, – шепчет Исидор. – Позвольте мне заняться этим.

Профессор Жиордано возвращается и холодно бросает:

– Вы еще здесь?

– Мы бы хотели написать статью лично о вас. Сделать портрет.

Его лицо слегка расслабляется.

– Статью обо мне? Я всего лишь муниципальный работник.

– Вы имеете дело с тем, что обычно скрывают от широкой общественности. Не просто смерти, а странные смерти. Мы не зайдем у вас много времени. Нам хотелось бы осмотреть комнату вскрытий и сфотографировать вас во время вашего тяжелого труда.

Профессор Жиордано соглашается. Он просит пять минут, чтобы сходить на другой этаж и взять ключ из куртки.

Журналисты рассматривают находящиеся вокруг них рабочие инструменты.

– Bravo, Исидор. Как это у вас получилось?

– У каждого есть мотив. У него – слава. Вы не заметили диплом за его спиной и спортивные награды на маленькой этажерке? Раз он выставляет их напоказ, значит, он комплексует. Он всецело поглощен жаждой уважения. Статья о нем в прессе сразу означает признание.

– Неплохо.

– У любого человека есть своя «инструкция». Надо только найти главную кнопку. Для этого нужно представить его ребенком и задать себе вопрос: «Чего ему тогда не хватало?» Это могут быть поцелуй матери, игрушки или, как в случае Жиордано, восхищение окружающих. Этот человек хочет эпатировать.

– По-вашему, восхищение окружающих – пятый мотив?

Исидор ближе рассматривает центрифугу.

– Можно расширить это понятие до признания группы.

– Социализация?

– Я бы даже включил эту потребность в еще более широкое понятие – чувство обязанности по отношению к другим. Под этим термином я объединяю обязанность перед родителями, перед учителями, соседями, перед своей страной и перед всеми людьми. Этот профессор Жиордано исполняет обязанности хорошего сына, хорошего ученика, хорошего горожанина, хорошего сотрудника и хочет, чтобы другие знали об этом.

Лукреция достает записную книжку и перечисляет:

– Итак, первое: прекращение боли; второе: исчезновение страха; третье: удовлетворение нужд выживания; четвертое: удовлетворение потребности в комфорте; пятое: обязанность.

Исидор замечает:

– Эта же «обязанность» заставляет людей идти на войну и выносить жертвы. Воспитание ягненка в стаде. Потом уже невозможно покинуть это стадо и надо вести себя так, чтобы нравиться другим овцам. Именно поэтому все рвутся к медалям, повышению зарплаты или к тому, чтобы о них написали в газете. Частично наши потребности в комфорте связаны с этим понятием обязанности. Телевизоры и машины покупают в основном не потому, что в них нуждаются, а чтобы показать соседям, что ты вписываешься в стадо. Люди стараются иметь самые лучшие телевизоры и лучшие машины, чтобы доказать, что они богаты и представляют собой достойную часть стада.

Возвращается профессор Жиордано с налеченными волосами и в новом халате. Размахивая ключом, он просит их проследовать в соседнюю комнату с надписью «Автопсия».

Судебно-медицинский эксперт вставляет ключ, и дверь открывается.

Первая информация носит обонятельный характер. Тошнотворный запах трупов смешан с запахом формалина и лаванды. Мелкие обонятельные частицы, из которых состоят испарения, проникают в ноздри журналистов и растворяются в слизи. Реснички-рецепторы задерживают там пахучие молекулы и заставляют их подняться до апекса, наивысшей части носа. Здесь четырнадцать миллионов клеток-рецепторов, распределенных по двум квадратным сантиметрам, анализируют запах и преобразовывают его в сигналы, идущие к продолговатому мозгу, а затем к гиппокампу.

– Какая вонь! – жалуется Лукреция, зажимая себе нос; Исидор сразу же следует ее примеру.

Их проводника запах совершенно не раздражает, а столь обычная для непривыкших людей реакция его даже забавляет.

– Вообще следует надевать газовые маски. Но здесь все тела защиты, и это необязательно. Помню, однажды мой коллега забыл надеть маску, перед тем как вскрыть живот одного типа, который покончил с собой, наглотавшись разной химии. Он смешал лекарства, моющие средства, стиральные порошки! Все это растворилось в желудке, и когда мой коллега сделал надрез, оттуда пошел настолько токсичный пар, что беднягу пришлось срочно госпитализировать.

Кроме судмедэксперта, никто не рассмеялся.

В комнате шесть столов из нержавеющей стали с деревянными весами, на которые кладут головы покойников, и желобками для вывода жидкостей из тел. На четырех столах лежат трупы в пластиковых чехлах; видны только ноги с этикетками на большом пальце.

– Автокатастрофа... – с фатализмом в голосе отмечает Жиордано. – Они думали, что успеют обогнать грузовик до поворота.

На стене справа большая раковина с дозаторами, рукоятки которых в мыле, рядом стерилизаторы для хирургических инструментов, шкаф для рабочих халатов; в углу мусоропровод для органических отходов; в глубине комнаты дверь с надписью: «ЗАЛ РЕНТГЕНОВСКОГО ОБЛУЧЕНИЯ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН». На стене слева холодильники, на которых написаны буквы алфавита.

– Итак, что вы хотите узнать?

– Для начала мы бы хотели сфотографировать вас с инструментами, – говорит Лукреция, которая запомнила, что профессора надо заставить почувствовать свою ценность.

Ученого не приходится долго упрашивать; он берет в руки пинцет и скальпель. Закончив, Лукреция достает записную книжку.

– Отчего, по-вашему, умер Феншэ?

Профессор Жиордано идет к шкафчику и достает досье на имя Феншэ. Оно содержит фотографии, результаты экспертизы, видеокассету, записанную во время вскрытия, результаты химических анализов.

– ...от любви.

– Вы не могли бы выразиться яснее? – просит Исидор Катценберг.

Профессор читает досье:

– «Зрачки расширены. Вены вздуты. Необычайный прилив крови к мозгу и половым органам».

– К половым органам? – удивляется Лукреция. – И это можно установить после смерти? Жиордано вопрос как будто нравится.

– Вообще, эрекция возникает, когда кровь через артерии приливает к кавернозному телу полового члена. Вены, получившие кровь, сжимаются, чтобы поддерживать твердость. Но кровь не может долго застаиваться в кавернозном теле, иначе кровяные клетки будут испытывать нехватку кислорода. Поэтому даже во время долгой эрекции оно время от времени слегка расслабляется, чтобы выпустить немного крови. А у Феншэ мы обнаружили омертвевшие клетки, которые, похоже, слишком застоялись.

– А кроме омертвевших клеток, анализ крови что-нибудь показал? – спрашивает Исидор, словно желая сменить тему.

– Уровень эндорфинов слишком высок.

– И о чем это говорит?

– О том, что он испытал потрясающий оргазм. Хорошо известно, что у мужчин оргазм необязательно связан с семяизвержением. Может быть эякуляция без оргазма и наоборот. Единственным признаком оргазма, как у мужчин, так и у женщин, является присутствие эндорфинов.

– А что такое эндорфины? – с интересом спрашивает Лукреция, приподнимая свои длинные и волнистые рыжие волосы.

Профессор Жиордано поправляет свои полукруглые очки и чуть пристальнее рассматривает девушку.

– Это наш природный морфин. Организм выделяет его, чтобы мы могли получить удовольствие и перенести боль. Эндорфины выделяются, когда мы смеемся. Или когда мы влюблены. Никогда не замечали, что рядом с желанным человеком ревматизм не так сильно чувствуется? Количество эндорфинов увеличивается, когда мы занимаемся любовью. Во время пробежки наступает состояние сродни опьянению – это из-за эндорфинов, производимых организмом, чтобы преодолеть мышечную боль. Частично именно они делают бег таким приятным.

– И поэтому столько людей обожают пробежки? – удивляется Исидор.

– На самом деле они обожают эндорфины, которые выделяют их тела, чтобы переносить боль от бега.

Заинтересованная Лукреция делает заметки в записной книжке. Видя это, Жиордано продолжает:

– В Китае вот как используют самок оленя. Им делают открытый перелом ног. Животные при этом испытывают такую боль, что их тела начинают вырабатывать эндорфины, дабы облегчить мучения. Китайцы собирают кровь из шейной вены и сушат ее. А потом продают эту сушеную кровь, полную эндорфинов, в качестве возбуждающего средства.

Журналисты морщатся.

– Это ужасно! – заявляет Лукреция, перестав записывать.

Потрясение девушки не огорчает ученого.

– Организм обычно вырабатывает очень небольшое количество эндорфинов при каждом мгновении удовольствия, и они довольно быстро исчезают; но у Феншэ был такой выброс, что, когда я производил анализ крови, еще оставались следы. Это редчайший случай. Поистине, он, должно быть, ощутил чертовский «удар молнии».

Лукреция замечает, что Жиордано уставился на ее грудь, и спешит запахнуть свой вырез.

Раздраженный Исидор меняет тему:

– Вы считаете, Феншэ принимал наркотики?

– Я думал об этом. Наркотики скапливаются в жировой ткани и могут оставаться там долгое время.

Судмедэксперт указывает на изображение внутреннего устройства человека, висящее над раковиной. На нем видны мускулы, кости, хрящи, тщательно воспроизведенные жировые зоны тела.

– Здесь можно обнаружить такие вещества, как мышьяк, железо, алюминий, даже спустя двенадцать лет после их поступления в организм, независимо от дозы.

– Хотите сказать, что жир состоит из наслоений, как площадка археологических раскопок? – изумляется Исидор.

– Точно. В нем скапливается все, что мы глотаем, одно над другим. Я искал следы наркотиков в жире Феншэ. Ни наркотиков, ни лекарств, никаких подозрительных химических веществ.

Луcreция ликует:

– Мы согласны, значит, смерть от любви возможна...

– Да, конечно. Некоторые умирают от горя. Возможностям духа нет предела. И, если хотите знать мое мнение, эта смерть была не столько физической, сколько психологической.

Исидор осматривает отмеченные буквами холодильники и останавливается перед ячейкой «Ф».

– Можно взглянуть на тело Феншэ?

Профессор Жиордано качает головой:

– Вам не повезло, я закончил вскрытие утром, а останки отправили его семье уже почти сорок пять минут назад. – Он вздыхает и продолжает: – Этому человеку действительно удалось уйти красиво. Сперва он становится чемпионом мира по шахматам, а затем умирает от любви в объятиях одной из прекраснейших женщин планеты. Бывают же счастливики... Не говоря уже о карьере.

– Где он работал?

– В больнице Святой Маргариты на одном из Леринских островов. Под его руководством это учреждение превратилось в одну из крупнейших психиатрических лечебниц в Европе. Никому не рассказывайте, но я сам вылечился там от депрессии.

Исидор поднимает бровь.

– Я слишком много работал и сломался.

Судмедэксперт с возрастающим напряжением смотрит в большие изумрудные глаза журналистки.

– Да, в такое вот время мы живем. По последним сведениям ВОЗ¹, половина населения цивилизованных стран нуждается в психологической помощи. Франция больше всех потребляет транквилизаторов и снотворного на человека. Чем умнее, тем уязвимее. Вы бы удивились, узнав, сколько политических лидеров на Западе посещают психиатрические клиники. У меня, например, остались чудесные воспоминания от пребывания в больнице Святой Маргариты. Природа, морское побережье. Это так расслабляет. Там много зелени, листья, цветов.

¹ ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения при ООН.

16

– Господинмартенгосподинмартенвыменяслышите?

Через ушную раковину, а затем через слуховой канал эти звуки доходят до маслянистой и восковидной желтой массы – ушной серы, предназначенной для защиты и поддержки упругости барабанной перепонки. Звуковая волна, обогнув это препятствие, заставила вибрировать перепонку.

За перепонкой воздушная, или так называемая барабанная полость, в которой находятся три косточки. Одна, прикрепленная к перепонке и передающая движение, называется «молоточек». Она ударяет по второй косточке, «наковальне», которая, в свою очередь, приводит в движение третью, из-за своей формы названную «стремечком». Все вместе эти три косточки механическим путем усиливают слабый голос врача.

Потом звуковая волна передается во внутреннее ухо к ушной улитке, спиралевидному органу, состоящему из пятнадцати миллионов реснитчатых нервных клеток, – это и есть настоящий рецептор звука. Звуковая волна, теперь уже в виде электрического сигнала, поднимается по слуховому нерву до головного мозга. В нем расшифровывается каждый звук.

– Господин Мартен (*Это я.*), господин Мартен (*Он повторяет, потому что думает, что я его не слышу.*), вы меня слышите? (*Он ждет моего ответа. Что делать? Я НИЧЕГО НЕ МОГУ!*)

Жан-Луи Мартен жалобно моргает.

– Вы проснулись? Добрый день. Я доктор Самюэль Феншэ. Я буду вами заниматься. У меня есть хорошая новость и плохая. Хорошая – вы выжили после несчастного случая. И, учитывая полученный удар, это настоящее чудо. Плохая – ваш мозговой ствол был поврежден чуть ниже продолговатого мозга. Таким образом, у вас то, что мы называем LIS. Это английский термин, который обозначает Locked-In Syndrome, синдром внутренней блокировки. Ваш головной мозг работает, но остальная периферийная нервная система больше не реагирует.

17

– Насчет Феншэ, вы уверены, что это убийство? – спрашивает судмедэксперт.

Исидор кивает.

– А вы мне нравитесь. К тому же у меня долг перед Феншэ. Я вам кое-что покажу.

Он бросает на них взгляд.

– Клянётесь, что никому не расскажете? И конечно, никаких фотографий!

С видом сомелье, достающего бутылку высококлассного вина, судмедэксперт открывает дверь комнаты рентгеновского излучения. Внутри, рядом с медицинскими аппаратами, журналисты замечают стол и шкафчик. Жиордано приглашает их войти, открывает дверцу шкафчика и извлекает оттуда прозрачную банку с желтоватой жидкостью, в которой плавает розово-серый шар.

– Члены семьи потребовали тело, но они не станут проверять его целостность. Знаете, во время вскрытия некоторые органы вынимают, исследуют, снова помещают в тело в пластиковых мешках и пришивают, но кто будет проверять, все ли органы на месте? Вот я и оставил его у себя. Я очень рассчитываю на ваше молчание. В конце концов, это был не кто-нибудь... Почти то же сделали и с Эйнштейном.

Он включает красную лампу для проявки фотографий, и перед ними вырисовывается содержимое банки.

– Мозг Феншэ! – восклицает Лукреция.

Вид этого нервного отростка в красноватом отблеске поражает журналистов. Извилины образуют бесконечный завиток. Самые темные вены находятся в наиболее глубоких бороздах. Нижняя часть мозга поделена точно по границе спинного мозга.

Судмедэксперт рассматривает содержимое поближе.

– Человеческий мозг – самая большая загадка. Проблема в том, что у нас есть лишь один инструмент, чтобы попробовать ее разгадать, и это... наш собственный мозг.

Они долго созерцают мозг, задумавшись над его фразой.

Лукреция протягивает свою визитную карточку.

– Если обнаружите что-нибудь новое, обязательно позвоните мне на мобильный, – говорит она. – Это мне никогда не помешает, в любом случае в моем телефоне есть виброзвонок.

Профессор Жиордано схватил визитку и небрежно опустил ее в карман.

Он погладил банку рукой.

– Я несколько раз встречался с Самюэлем Феншэ до его смерти. Он стал моим другом. Последний раз я случайно столкнулся с ним в кабаре «Веселый филин», где выступает его брат. Паскаль Феншэ, гипнотизер. Они оба были одержимы тем, чтобы понять, как работает мозг. Самюэль взялся за проблему с органической стороны, Паскаль – со стороны психологической. Посмотрите его сеанс гипноза и осознаете, какой силой обладает мысль...

Мозг Феншэ очень медленно вращается в банке под воздействием тепла.

18

Страх, паника, полное смятение охватили ум Жана-Луи Мартена. Но голос продолжает мягко вливаться в его ухо:

– Знаю, это нелегко. Но здесь вы в хороших руках. Вы в больнице Святой Маргариты. И у нас полным ходом идут исследования областей мозга и нервной системы.

Теперь он мог оценить всю полноту катастрофы. Жан-Луи Мартен, бывший служащий юридического отдела в НБКП, мог думать, видел одним глазом, слышал одним ухом, но был не в состоянии пошевелить пальцем, чтобы почесаться. Хотя никакого зуда он и почувствовать не мог... В этот момент у него была только одна мысль: пусть это кончится.

Доктор Самюэль Феншэ прикладывает к его лбу руку, прикосновения которой он не чувствует.

– Я знаю, о чем вы думаете. Вы хотите умереть. Хотите покончить с собой, но осознаете, что ваш полный паралич не позволяет вам осуществить это. Я не прав?

Жан-Луи Мартен снова пытается подвигать какой-нибудь частью своего тела, но у него получается лишь моргнуть. Ему приходится признать, что веко – его единственный рабочий мускул.

– Жизнь... Первичная мотивация всего организма такова: как можно дольше поддерживать жизнь. К этому стремятся даже бактерия, даже червь и насекомое. Еще несколько секунд жизни, еще немного, еще.

Доктор садится рядом с ним.

– Знаю, вы думаете: «Я – нет. Больше – нет». Вы ошибаетесь.

Медная радужка здорового глаза Жана-Луи Мартена увеличивается. Черная бездна в ней становится глубже, выражая вопрос. Он никогда не думал, что попадет в такую ситуацию.

«Я пропал. Чем я заслужил такую кару? Такое никто не выдержит. Не двигаться! Не говорить! Не ощущать мир! Я даже боль не могу почувствовать! Все рушится. Я завидую калекам, что они всего лишь калеки! Завидую людям, получившим тяжелые ожоги! Завидую безногим, что у них есть хотя бы руки. Слепым, которые, по крайней мере, могут чувствовать свое тело! Мое наказание – самое ужасное в истории человечества. Раньше мне бы позволили умереть. А теперь, из-за их дьявольского прогресса, я жив, несмотря на то, что по сути дела являюсь покойником. Это ужасно».

Покрутившись, его глаз останавливается.

«А этот? Кто он? С таким спокойным видом. Будто прекрасно знает, как вылечить этот кошмар. Доктор что-то говорит мне. *Я врачно...*»

– Я врач, но прежде всего я человек. В первую очередь я действую в соответствии с моей совестью, а не исходя из профессиональной обязанности или из страха попасть под суд. Более всего я уважаю свободную волю тех, кто мне доверился. Поэтому я даю вам возможность выбрать. Если вы решите жить, моргните один раз. Если откажетесь от жизни, моргните дважды.

«У меня есть выбор! Я еще могу повлиять на окружающее. Естественно, я хочу умереть. Как там сообщить ему мое решение? Ах да, дважды моргнуть».

– У вас есть время на размышления...

Жан-Луи Мартен снова подумал о «былом».

«Раньше я был счастлив. Стоит ли терять все, чтобы понять, какими ценностями я обладал?»

Доктор Феншэ закусывает губу.

До сих пор все пациенты с LIS, которым он предоставлял выбор, предпочитали смерть.

Глаз Жана-Луи Мартена оставался удивленно-неподвижным. Зрачок уменьшился от старания лучше понять то, что выражает лицо врача.

«Он не обязан делать это. Он идет на риск. Ради меня. Убив меня, когда-нибудь он поплатится за это. Другой не стал бы спрашивать мое мнение. Во имя клятвы Гиппократата, которая обязывает врача любой ценой спасти жизнь. Это самый удивительный момент в моем существовании и самое тяжелое решение, какое я когда-либо принимал».

Уставший, с опущенными глазами, доктор пальцем поправляет очки на носу, словно даже взглядом не желая влиять на своего больного; он снова заговорил:

– Решать вам. Но я должен сообщить вот что: если вы решите жить, я больше никогда не предложу вам смерть и всеми силами буду биться за то, чтобы вы жили как можно дольше. Подумайте хорошенько. Одно моргание – да, два – нет. Итак, ваш выбор?

19

– Ницкий салат без анчоусов, соус налить сбоку. Томаты, пожалуйста, очистите, их кожицу я не перевариваю. А какой у вас уксус?

– Малиновый, мадемуазель.

– Вы не могли бы положить благовонный моденский уксус? Я его обожаю.

Исидор, очень любящий смесь сладкого и соленого, заказывает авокадо с креветками и грейпфрутом.

Официант записывает заказ. В качестве основного блюда Лукреция выбирает курицу по-провансальски. Но без помидоров и с соусом сбокэ. И никакого лука тоже. Она спрашивает, нельзя ли заменить гарнир из жареного картофеля зелеными бобами, сваренными на пару. Официант, привыкший к непростым клиентам, со спокойным видом зачеркивает, делает пометки на полях. Исидор берет налим с вареными овощами. Он хочет оставить место для десерта.

– Подать мсье карту вин? У нас есть отличное розовое вино из Бандоля.

– Нет. Дайте «Оранжевую лайт» с сиропом из оршада, – решает Лукреция.

Перед уходом официант зажигает две свечи, украшающие стол. Исидор и Лукреция сидят за столиком в ресторане-кабаре «Веселый филин».

Зал не очень большой, на стенах и на потолке висит около сотни масок, изображающих человеческие лица с широко раскрытыми глазами. Создается впечатление, будто толпа людей из каждого угла рассматривает гостей.

Над сценой написано: «ГОСПОДИН ПАСКАЛЬ. ГИПНОТИЗЕР».

– Вы верите в гипноз?

– Я верю в силу внушения.

– Что вы имеете в виду?

– Какого цвета снег?

– Белого.

– Какого цвета бумага?

– Белого.

– Что пьет корова?

– Молоко...

На лице Исидора появляется победоносная улыбочка.

– Черт. Воду, а не молоко. Bravo. Вам удалось меня запутать, – признает Лукреция.

На закуску им приносят тапенаду, и они едят, осматривая зал.

Справа от них мужчина громко кого-то убеждает в чем-то по мобильному телефону, а его сотрапезник пытается сохранить спокойствие в надежде, что скоро и у него зазвонит мобильник, чтобы, в свою очередь, поставить приятеля в неловкое положение.

На столике завибрировал телефон Лукреции. Исидор Катценберг бросает на нее вопрошительный взгляд. Она смотрит на определитель номера и выключает телефон, решив, что не хочет говорить с тем, кто звонит.

– Тенардье звонила. Я отключила мобильник, чтобы нам никто не мешал... – извиняется она.

– Мобильник – новая современная форма бестактности, – замечает Исидор.

Вокруг них все едят молча. Исидор внимательно осматривает людей, скатывая шарики из хлебного мякиша.

– Умереть от любви, умереть от любви, Жиордано пошутил... – ворчит он, схватив шарик.

– Умереть от любви – прекрасно! Любить. Л-Ю-Б-И-Т-Ь так, чтобы в голове все взорвалось. Конечно, любитель помудрствовать, вы слишком умны, чтобы понять силу чувств! – отвечает Лукреция Немро.

Одним глотком он выпивает свой сироп из оршада.

– Феншэ убили, я в этом уверен. И это не Наташа Андерсен.

Журналистка берет его за подбородок. Ее большие зеленые глаза блестят в свете горящих свечей. Грудь вздымается от возмущения.

– Исидор, скажите честно: вы хоть раз произносили слова «я люблю тебя»?

Он высвобождается.

– Это фраза-ловушка. Лучший способ охмурять наивных. Я считаю, за этими словами скрывается лишь желание обладать кем-либо. Я никогда не хотел никем обладать и никогда никому не позволял обладать мной.

– Тем хуже для вас... Как же вы можете найти убийцу, если не способны отыскать любовь?

Он со злобой сминает хлебные шарики в один огромный ком, который проглатывает; а потом отпускает фразу, которую только что отшлифовал в своей церебральной мастерской:

– Любовь – это победа воображения над интеллектом.

Она пожимает плечами и думает, что ее собеседник способен только на умствования. И ни на что больше. Мозг без сердца.

Им подают закуски.

Лукреция берет листик салата и, как грызун, обкусывает его резцами.

– Я больше не собираюсь терять время в Каннах. По-моему, никакого расследования уже не надо, мой дорогой Исидор. Любовь существует, Самюэль Феншэ ее повстречал, и она убила его. Тем лучше для него. Я тоже надеюсь умереть от любви. Завтра я вернусь в Париж и продолжу заниматься мозгом в больнице Питье-Сальпетриер, где, по вашим словам, есть новейшее неврологическое отделение.

Внезапно лампы гаснут, оставляя присутствующих в полумраке свечей.

– А теперь, как и всегда, большое представление: сеанс гипноза с господином Паскалем Феншэ. Прошу вас отключить мобильные телефоны.

Все повинуются.

На сцену выходит человек в черном смокинге с блестками и приветствует аудиторию.

Лукреция и Исидор узнают в его лице знакомые черты. Только по сравнению со скончавшимся братом он несколько выше, без очков, более сутулый и кажется старше.

Паскаль Феншэ начинает представление речью о возможностях внушения. Он вспоминает русского ученого Павлова, которому удалось заставить собаку выделять слюну при звуке звонка.

– Это называется приобретенный рефлекс. Кого угодно можно запрограммировать на действие при данном обстоятельстве или в данный момент. Никогда не случилось, чтобы вы говорили себе: «Хочу проснуться без пятнадцати восемь без будильника», и вы действительно просыпались ровно без пятнадцати восемь? Ни минутой раньше, ни минутой позже.

В зале шум, некоторые припоминают, что и правда, такое бывало, но они считали это простой случайностью.

– Вы сами себя запрограммировали. И мы это делаем постоянно. Например, сюда относится желание сходить в туалет перед завтраком, появление голода во время перерыва, тяга ко сну после вечернего фильма...

Зрители уже не вспоминают вслух о подобных вещах, посчитав их слишком интимными.

– Мы словно компьютеры, которые можно программировать и перепрограммировать по желанию. Мы сами обуславливаем наши будущие победы и поражения. Вам никогда не при-

ходило видеть людей, начинающих свою речь словами: «Уверен, что помешал вам, но...»? Таким образом, они заставляют других отталкивать их. И это делается неосознанно.

Гипнотизер требует добровольца для эксперимента. Встает высокий блондин. Паскаль Феншэ просит, чтобы тому поаплодировали, затем ставит его перед собой и приказывает смотреть на маятник, говоря при этом: «Ваши веки тяжелеют, тяжелеют, вы больше не можете их поднять. Теперь вам жарко, очень жарко. Вы в пустыне и задыхаетесь в своей одежде».

Когда он повторяет эту избитую фразу несколько раз, подопытный, с закрытыми глазами, раздевается до трусов. Паскаль Феншэ будит его, и высокий блондин подсакивает, сперва удивившись, а затем устыдившись своей наготы. Все в зале аплодируют.

– В чем же фокус? – спрашивает Лукреция своего друга.

– Вообще, все дело не в гипнотизере, а в том, кого гипнотизируют, – объясняет Исидор. – Именно он позволяет голосу подчинить его. Считается, что лишь двадцать процентов населения подвержено гипнозу. То есть достаточно доверяется гипнотизеру, чтобы полностью поддаться.

Паскаль Феншэ требует нового испытуемого для следующего опыта.

– Идите, Лукреция!

– Нет, Исидор, давайте вы.

– Мадемуазель немного стесняется, – кричит он артисту.

Паскаль Феншэ спускается, берет девушку за руку и ведет на сцену.

– Сразу предупреждаю, что раздеваться не стану, – твердо заявляет Лукреция, стоя под прожекторами.

Гипнотизер просит ее смотреть на хрустальный маятник.

– Вы ощущаете все большую усталость. Ваши веки тяжелеют, тяжелеют...

Она не сводит взгляда с маятника, но ее рот произносит:

– Сожалею, но со мной это не пройдет, я считаю, что принадлежу к восьмидесяти процентам людей, невосприимчивых к гип...

– Вы спите.

Она замолкает и закрывает глаза.

– Вы крепко спите... – повторяет Паскаль Феншэ.

Кажется, Лукреция уже достаточно погрузилась в сон, и гипнотизер спрашивает ее, что она делала вчера. Она немного колеблется:

– Вчера я была в каннском морге.

Затем он спрашивает, чем она занималась на прошлой неделе. Она это вспоминает. Потом – что она делала месяц назад, год назад в тот же месяц, в тот же день. Она подчиняется. Далее он просит ее вернуться на десять лет назад. На двадцать. Потом пережить первые дни своей жизни, свое рождение, то, что происходило до него. Девушка сворачивается клубком. Он помогает ей сесть на пол, она принимает позу зародыша и засовывает большой палец в рот.

Затем он просит ее пережить свое рождение, и Лукреция, все сильнее сворачиваясь, начинает с трудом дышать. Она как будто задыхается. Вдруг она совсем перестает дышать. В зале беспокойство. Журналистка вся краснеет. Она дрожит. Но гипнотизер остается спокойным. Он проводит рукой по щекам Лукреции, лаская их, переходит к подбородку и делает вид, что вытаскивает ее оттуда, где она задыхалась. Он изображает, что поднимает ее за подбородок, потом за плечи. Она слегка разворачивается. Рукой он успокаивает ее, умиротворяет, ободряет. Он словно вытягивает ее через слишком узкий проход. Когда наступает пауза, он обходит девушку и сперва слегка, а потом все сильнее ударяет ее по спине. Не открывая глаз, она кашляет и кричит, как новорожденный ребенок.

Паскаль Феншэ садится на пол, берет девушку на руки и, укачивая, напевает, пока она не успокаивается.

– Теперь все в порядке. Мы прошли сквозь время.

Он заставляет ее вспомнить свой первый год, затем первое десятилетие, прошлый месяц, последнюю неделю, вчерашний день, последний час. Затем считает от десяти до нуля, сообщив, что на нуле она откроет глаза, ничего не вспомнит, но сеанс благоприятно подействует на нее.

Лукреция открывает глаза. В зале редкие аплодисменты. Она хлопает глазами.

– Вот видите, ничего не получилось, – говорит она, возвращаясь в сознание.

Паскаль Феншэ берет ее за руку, чтобы ей зааплодировали погромче. Удивленная Лукреция подчиняется. Он благодарит ее. Она садится за столик.

– Вы были великолепны, – говорит Исидор.

– Но ведь ничего не получилось? Да? Получилось? И что произошло? Я совсем ничего не помню.

– Он заставил вас пережить ваше рождение. Была небольшая заминка, но он справился с ней.

– Какая заминка?

– Когда вы выходили из живота вашей матери. Вы как будто задохнулись. Он вас успокоил. Вы снова пережили это событие, но в лучших условиях.

Лукреция решительно поднимает воротник своего свитера и очень медленно опускает его. Прodelав это несколько раз, она объясняет:

– У меня была в некотором роде фобия. Когда я надеваю свитеры, я всегда тороплюсь побыстрее протолкнуть голову. Это где-то глубоко в подсознании. Простое неудобство, но оно меня раздражало. А теперь я, кажется, излечилась от этого.

Она снимает и надевает свитер.

Гипнотизер приглашает последнего добровольца для более деликатного эксперимента. К сцене подходят трое военных и очень громко зовут четвертого своего товарища. Сначала отказавшись, он все же поднимается, не желая показаться трусом.

Паскаль Феншэ быстро усыпляет его с помощью своего хрустального маятника и говорит:

– Услышав слова «синяя магнолия», вы сосчитаете до пяти, потом снимете правый ботинок, дважды ударите им в дверь и рассмеетесь.

Он несколько раз повторяет это указание, будит подопытного и, когда тот возвращается на свое место, небрежно бросает: «Синяя магнолия». Солдат застывает, считает про себя, снимает правый ботинок, идет к двери, дважды ударяет по ней и громко смеется. Зал подхватывает его смех и неистово аплодирует. За этим жестом скрывается желание взять солдата на руки, но, поскольку времена изменились, люди просто хлопают в ладоши.

Взволновавшись, солдат перестает хихикать и нервно обувается.

– Такова, – произносит гипнотизер, – сила мысли. Если бы я подобрал простейшие ключевые слова, например «кофе с молоком» или «солнечный луч», самые обычные, они бы вызвали проблемы в повседневной жизни. Но я сказал «синяя магнолия». В разговоре их можно услышать крайне редко.

Так как ключевые слова снова названы, подопытный, который уже завязывал шнурок, опять замирает на мгновение, дважды стучит в дверь снятым ботинком и раздражается смехом.

Аплодисменты усиливаются. Солдат еще больше смущается, ругаясь, трясет головой и бьет себя по макушке, словно хочет таким образом избавиться от отравы в своем черепе.

Гипнотизер прощается. Занавес.

Журналисты не успели покончить с закуской, а официант уже принес им основные блюда – они не сразу заметили это.

– Гипноз... Об этом мы не подумали. А если кто-то заложил ключевое слово в голову Феншэ?

– Ключевое слово... но какое? «Синяя магнолия»?

Лукреция задумывается, и вдруг ее осеняет:

– Ключевые слова вроде «я люблю тебя» заставили его сердце остановиться, – с воодушевлением предлагает она. – Наташа Андерсен произнесла их в решающий момент, и это вызвало спазм.

– И это вы только что сказали мне, что фраза «я люблю тебя» в определенных условиях может стать смертельной?! – удивляется Исидор.

Лукреция заводится и соединяет кусочки мозаики, чтобы получить целую картинку.

– Нет, не спазм: остановку сердца. Кажется, вы говорили, что с помощью мозга можно управлять сердцем?

– Я видел, как это делают йоги. Но я не думаю, что можно вызвать полную остановку. Должны быть автоматические механизмы для выживания.

Она быстро ищет другой вариант.

– В таком случае представим, что его запрограммировали рассмеяться после этих слов? – предполагает Лукреция. – Рассмеяться до смерти, услышав слова «я люблю тебя»!

Довольная своей идеей, она восстанавливает все произошедшее:

– Полагаю, дорогой Исидор, я сказала последнее слово в этом деле. Феншэ убил его брат Паскаль, загипнотизировав его. Он внушил ему ключевую фразу. Самую неясную. «Я люблю тебя». Наташа Андерсен произнесла ее в момент оргазма. Сердце остановилось, и чемпион мира по шахматам скончался. Таким образом, она решила, что убила его. Это идеальное убийство: преступника нет на месте преступления, никакого оружия, ран, лишь один свидетель, который считает себя причиной смерти! Не говоря уже о том, что, как вы сказали, все достаточно пикантно, чтобы никто не стал серьезно расследовать дело. Секс все еще табу. Это действительно идеальное преступление.

Вдохновленная своими доводами, журналистка с аппетитом доедает остатки курицы.

– А мотив?

– Зависть. Паскаль не так красив, как Самюэль. У Самюэля была невеста топ-модель, к тому же он выиграл в шахматы у компьютера. Богат, красив, сделал хорошую партию, знаменит – это просто невыносимо. Сгорая от зависти, брат воспользовался своим талантом гипнотизера и сделал так, чтобы Самюэль умер как развратник; а Паскаль как бы и ни при чем, потому что тот скончался в объятиях своей невесты.

Она отлистывает несколько страничек назад в своей записной книжке и просматривает предыдущие записи.

– Это можно добавить как еще один мотив. Пятый: обязанность, шестой: зависть.

Налиму, что лежал посреди овощей в тарелке Исидора, повезло больше, нежели курице Лукреции; он провел несколько недель на свободе, прежде чем его поймали в сети.

– Зависть? Слишком узко.

– Расширим до всех эмоций, которыми мы не в состоянии управлять, потому что они сильнее нас. Зависть, месть... в общем, гнев. Да, все это можно объединить в пункт шесть: гнев. Он еще сильнее обязанности. Обязанность возбуждает в людях желание нравиться другим и вливаться в общество, а гнев – разжечь революции и изменить общество.

– А еще он побуждает к... убийству.

Она быстро записывает его объяснение, чтобы не забыть.

– Хорошо, – говорит Лукреция, – вот что такое ловко проведенное дело. Я признаю, что вы правы, и эта смерть необычна, но теперь я нашла убийцу и мотив. Мы с вами установили рекорд по скорости расследования преступления. Ну вот, все и кончено.

Она поднимает стакан, чтобы чокнуться, но Исидор свой не берет.

– Гм... И это меня вы называете мифоманом?

Лукреция с презрением окидывает его взглядом.

– Зависть... – произносит она. – И вы тоже завидуете. Тому, что я моложе вас, я женщина, и, однако, именно я нашла разгадку, разве не так, мистер Шерлок Холмс?

Они оба доедают свой ужин. Исидор собирает соус ломтиком хлеба, а Лукреция кончиком ножа отодвигает то, что она есть не хочет. Остатки курицы погребены под листиком лаврушки.

Люди вокруг комментируют представление. Со всех сторон доводы тех, кто верит в гипноз, и тех, кто в него не верит, и каждый стоит на своем. «Это актеры, – слышится голос. – Они притворялись». – «Девушка выглядела вполне естественно». – «Нет, она переигрывала».

Официант приносит список десертов. Лукреция заказывает растворимый кофе без кофеина в большой чашке и кувшин горячей воды, а Исидор берет мороженое с лакрицей.

– Вы только выдвинули гипотезу, и все.

– Завистник.

– Счастье, что вы не работаете в полиции. Чтобы завершить дело, недостаточно разработать теорию, какой бы привлекательной она ни была. Нужны улики, доказательства, свидетели, признания.

– Отлично, пойдёмте, зададим несколько вопросов Паскалю Феншэ! – восклицает Лукреция.

Она просит счет, расплачивается и спрашивает у хозяина ночного клуба, где гримерка гипнотизера. Они трижды стучат в дверь с надписью «ГОСПОДИН ПАСКАЛЬ ФЕНШЭ». Вместо ответа дверь резко открывается, и, прежде чем они сумели что-либо предпринять, гипнотизер вылетает из своей гримерки и убегает из клуба в мокром халате; за ним вдогонку несутся трое военных с тем, подопытным, во главе.

– Синяя магнолия? – бросает Лукреция, словно ожидая, что эта фраза остановит бегущего на всех парах солдата.

Но они уже слишком далеко.

20

Жить или умереть?

Здоровый глаз Жана-Луи Мартена был по-прежнему открыт. Тысячи мыслей мелькали в его голове, мешая принять решение. Ему казалось, что от него что-то скрывают. Он был убежден, что ему уже ничего не поможет, но врач тем не менее как будто знал, что делать.

Аргументы в пользу «да» и в пользу «нет» в его мозгу сливались в два направления и существенно влияли на его решение.

Жизнь? На внутреннем экране Жана-Луи Мартена возникли сотни слайдов с изображением приятных моментов прошлого. Семейные каникулы, когда он был маленьким. Открытие для себя шахмат. Занятия живописью. Встреча с женой Изабеллой. Начало работы в банке. Брак. Первые роды жены. Первые каникулы с дочерью. А вот он впервые смотрит передачу «Забирай или удвой».

Забирай или удвой...

Или смерть? Он видит себя со всех сторон, одинокого, неподвижно лежащего на кровати. И проходящее время; сначала это часовая стрелка, которая вертится все быстрее. Затем – через окно: солнце и луна сменяют друг друга. Все вокруг развивается быстрее, словно блики, загорающиеся то на солнце, то на луне и тут же гаснущие. Дерево, которое он видит из палаты, покрывается листвой, она опадает, вместо нее появляется снег, потом распускаются почки – и снова листва. Проходят годы, десятилетия, а он, как пластиковый манекен, лежит на кровати с одним глазом, который безнадежно моргает, когда никого нет рядом.

Надо было решать.

Веко очень медленно опускается.

Один раз.

И все.

Самюэль Феншэ улыбается:

– Значит, вы хотите жить... Думаю, вы приняли правильное решение.

Лишь бы я не ошибся.

21

Налево или направо? Исидор и Лукреция оказываются на перекрестке. Потеряв солдат из виду, они ищут их, козырьком приставив руку ко лбу.

– Куда они делись?

Исидор, который все еще переваривает пищу, шумно и с трудом дышит. Лукреция в полном порядке, залезает на машину и с высоты осматривает окрестности.

– Вон они, – говорит девушка.

Она пальцем указывает на пляж.

– Бегите, Лукреция, вы быстрее меня, я вас догоню.

Она уже и не слышит его, она мчится туда.

Ее сердце на полной скорости гонит кровь в артерии, переходящие в артериолы, а затем в капилляры икроножных мышц. Пальцы ног ищут сцепления с землей, чтобы лучше выталкивать тело вперед.

Паскаль Феншэ бежит на последнем издыхании. Он устремляется на пустынный пляж, едва освещенный луной. Там его настигают трое военных и валят на землю.

– Синяя магнолия... – неуверенно пробует гипнотизер.

Но солдат затыкает себе уши. Он велит:

– Ты должен вытащить это из моей головы! И сейчас же. Я не собираюсь всю жизнь, как идиот, стучать ботинком при каждой встрече с теми, кто видел представление или слышал о нем!

Гипнотизер осторожно поднимается.

– Откройте уши... я сейчас все сделаю.

– Только без обмана, ладно?

Солдат убирает руки с ушных раковин, но, если что, он готов тут же снова поднять их.

– Абракадабра, освобождаю вас от «синей магнолии». Отныне, – Паскаль Феншэ делает жест рукой, – вы не реагируете на «синюю... магнолию».

Удивленный солдат застывает в ожидании, словно в нем что-то сдвигается.

– Давайте повторите. Проверим, – просит он.

– Синяя магнолия.

Ничего не происходит. Солдат улыбается, радуясь, что освободился от этой порчи.

– Так просто? – удивляется он.

– Это как жесткий диск компьютера. Можно записать запрограммированный приказ, запускаемый всего лишь словом. И таким же образом можно его стереть, – уныло пытается объяснить гипнотизер, словно исследователь дикарям, которые впервые увидели магнитофон.

– А почему «абракадабра»? – все еще недоверчиво спрашивает солдат.

– Фольклор; люди больше верят, когда произносишь подобные вещи. Это глубоко в голове.

Солдат смеряет его взглядом.

– Ну ладно, хорошо. Но я не хочу, чтобы такое произошло с кем-нибудь еще, – добавляет он и, закатав рукава, сжимает кулаки.

Двое других держат артиста, а бывшая жертва начинает бить его в живот. Но вдруг на фоне луны вырисовывается силуэт.

– Три здоровяка на одного тщедушного человечка – как просто, – подсмеивается Лукреция Немро.

Солдат оборачивается.

– Послушайте, дамочка, поздновато уже, и гулять ночью одной опасно. Видите ли, здесь такие люди, скажем, немного странные.

Он еще раз бьет гипнотизера кулаком: «Приказываю тебе: спи!» Лукреция Немро бросается на него и с силой ударяет ногой в промежность.

– Приказываю тебе: пищи!

Солдат издает сдавленный крик. Один из его друзей бросает гипнотизера, чтобы прийти на помощь.

Лукреция принимает воинственную стойку – эта стойка из тэквандо. Она сгибает пальцы крючком, словно это ее дополнительное оружие, как два резца мыши. Солдат выбрасывает ногу, Лукреция ловит ее, толкает назад и прыгает сверху. Они катятся по берегу, и вот уже небольшие волны касаются их тел. Она поднимает изогнутые пальцы и сильно бьет солдата в лоб. Звук ударившихся друг о друга костей. Она снова бьет в промежность пришедшего в себя обидчика гипнотизера. Она уже в боевой стойке, ее пальцы тверды, как дерево. Третий солдат не решается вступать в бой. В конце концов все они поспешно ретируются.

Лукреция подходит к гипнотизеру, стоящему на коленях на песке.

– Вы в порядке?

Он потирает живот.

– Небольшие профессиональные неприятности. Это просто вражда против гипнотизеров.

– Вражда против гипнотизеров?

– Во все времена люди, имевшие некоторое представление об устройстве мозга, вызывали страх. Их обвиняли во всем. В колдовстве. В шарлатанстве. В психическом воздействии. Людей пугает то, чего они не могут понять, и они хотят это уничтожить.

Лукреция поддерживает его, чтобы убедиться, что он сможет идти.

– Чего они боятся?

Тот улыбается разбитым ртом.

– Гипноза, он заставляет отдаться власти воображения. Люди считают, что здесь замешана магия. В любом случае спасибо за ваше вмешательство.

– И вам спасибо. Благодаря вам я больше не боюсь надевать свитеры.

Она втягивает голову в воротник, чтобы продемонстрировать, что теперь может держать ее там сколько угодно.

Появляется запыхавшийся Исидор.

– Ну как, Лукреция, поймали вашего «убийцу»? – иронизирует он.

Журналистка стреляет в него зелеными глазами, чтобы заставить его замолчать.

Гипнотизер спрашивает, кто это.

– Исидор Катценберг. Мы журналисты из «Геттер модерн». Расследуем смерть вашего брата.

– Самми?

– Лукреция думает, что это вы убили его, из зависти, – уточняет Исидор.

При упоминании о брате гипнотизер грустнеет.

– Самми. Ах... Самми. Мы были очень близки. Между братьями это бывает не так уж часто. Он был серьезным, а я весельчаком. Мы дополняли друг друга. Помню, однажды я сказал ему: «Мы как Иисус Христос и Симон Маг, великий фокусник, друг Иисуса».

Паскаль Феншэ ненадолго замолкает, чтобы снова вытереть разбитую губу.

– Шучу. Я очень восхищался моим братом.

– Что вы делали в тот вечер, когда он умер? – спрашивает Лукреция.

– Выступал на сцене «Веселого филина», можете спросить хозяина. К тому же у меня целый зал свидетелей.

– Кто мог желать ему зла? – задает вопрос Исидор.

Они садятся на влажный холодный песок.

– Его успех был оглушитель. А благодаря победе над DEEP DLUE IV он стал известен широкой публике. Но во Франции успех всегда на плохом счету.

– Торчащий гвоздь привлекает молоток, – добавляет Исидор, никогда не скупящийся на поговорки.

– Как по-вашему, это было убийство? – спрашивает Лукреция.

– Он получал угрозы, я знаю. Хорошо, что вы расследуете его смерть.

Лукреция все еще не желает отказываться от своей теории.

– Возможно ли загипнотизировать на замедленное действие?

Паскаль Феншэ удрученно качает головой.

– Я знаю гипноз. Чтобы попасть под влияние, надо на время отказаться от своей воли и позволить кому-то решать за вас. На Самми невозможно было повлиять. Он ни от кого не зависел. Он стремился уменьшить страдания своих больных. Светский святой.

– Этот ваш «светский святой», по официальной версии, умер от удовольствия в объятиях топ-модели... – замечает Лукреция.

Паскаль Феншэ пожимает плечами.

– Вы знаете кого-нибудь, кто бы отказал ему? Его внешность стоила всех сеансов гипноза.

– Один мой друг утверждает, что воля мужчины состоит в том, чтобы найти женщину, которая будет решать за него, – говорит Лукреция.

Узнав свои слова, Исидор слегка краснеет.

– Может быть, – допускает Паскаль Феншэ.

– Думаете, она могла его убить? – спрашивает журналист.

– Я точно не знаю, кто его убил, но я бы сказал, что, в общем, это его храбрость. Самми в одиночку боролся со всеми архаизмами. То, что он предлагал, заставляло полностью изменить взгляд на ум, сумасшествие и сознание. В своей речи после шахматной победы он упоминает Одиссея, но Самми и сам был таким же искателем приключений. А, как известно, настоящие первопроходцы принимают все стрелы на себя, потому что они впереди всех.

Исидор достает мятные леденцы и предлагает гипнотизеру, чтобы тот успокоился. Паскаль Феншэ жадно глотает несколько конфеток.

– Помню, однажды я слышал, как он говорил, что чувствует угрозу. «Они мечтают, чтобы все люди в мире были одинаковыми. Тогда им будет легче сортировать их, словно клонированный скот, как кур перед резкой». «Они» – это администрация, перед которой он отчитывался. Еще он говорил: «Они боятся тех, кого считают сумасшедшими, но еще больше тех, кого считают гениями. Короче, они мечтают об однобоком мире, где слишком умных людей обяжут носить на голове каски, в которых будет звучать громкая музыка, мешающая им спокойно размышлять. Они наденут вуаль на самых красивых женщин и свинцовые жилеты на самых ловких мужчин. И все мы будем одинаковые: существа среднего рода».

Паскаль Феншэ оборачивается к Средиземному морю. Он указывает на слабый огонек вдали, который мог бы сойти за свет звезды, не будь он таким отчетливым.

– Вон там... Там происходят странные вещи. Уверен, что, так же как я сталкиваюсь с противниками гипноза, он сталкивался...

– О ком вы думаете?

– О его коллегах. Больных. Медсестрах. Обо всех, кто боится новшеств. Вам бы надо туда сходить.

Все трое смотрят на светящуюся точку, которая словно зовет их.

– Проблема в том, что в психиатрическую больницу так просто не попасть, – замечает Исидор, пытаясь рассмотреть остров; в лунном свете становятся видны кромки деревьев.

Паскаль Феншэ прошупывает языком, не расшатались ли его зубы.

– Умберто! Умберто с катера, который курсирует между островом Святой Маргариты и портом Канн. Он приходит ко мне каждую среду на коллективный сеанс расслабляющего гипноза.

Гипнотизер тяжело вздыхает и, нахмутив брови, смотрит на остров вдали, словно на врага, которого он хочет сразить.

22

На экране компьютера появляется мозг Жана-Луи Мартена в боковом разрезе.

Чтобы установить объем повреждений, доктор Феншэ сделал позитронную томографию. Благодаря новейшей технологии он мог видеть, что в голове Мартена работает, а что – нет.

Мозг был в виде бирюзового овала. Внутреннее море, где плавают мысли.

Самюэль Феншэ попросил Мартена закрыть глаз. Мозг стал полностью синим. Когда пациент открыл глаз, в затылочной доле, на противоположной от глаза стороне, появилось коричневое пятнышко. Остров в море.

Затем Самюэль Феншэ показал ему нарисованное яблоко. Коричневый островок немного увеличился и изменил конфигурацию. Открытка с видом Канн способствовала разрастанию пятна. Феншэ отметил, что зрение и визуальное восприятие внешнего мира функционируют.

С помощью аппарата он проверил слух больного. Позвонил в колокольчик. В теменной зоне появился новый островок, более вытянутый. От симфонической музыки всплыл архипелаг островков, напоминающий Индонезию.

Потом Феншэ проверил остальные чувства и обнаружил, что они атрофированы. Ни единого островка не появилось от укола иглой, от лимонного сока на язык, от укуса прямо под носом.

Доктор Феншэ проверил реакцию понимания. При слове «яблоко» коричневое пятнышко приняло точно соответствующую форму, как если бы Жан-Луи Мартен действительно видел яблоко.

Это было одним из недавних открытий, сделанных благодаря позитронной томографии. Было замечено, что, если думать о каком-нибудь предмете или явлении или видеть его, активируются одни и те же зоны мозга.

Доктор Феншэ оперировал простыми понятиями: «дождливое утро», «облачное небо»; затем – все более сложными: «надежда», «счастье», «свобода». Каждый раз появлялся один или несколько островков, обозначая таким образом, что данное слово возбуждало определенные зоны мозга Мартена.

В конце сеанса Феншэ захотел проверить чувство юмора своего пациента. Согласно его барометру, чувство юмора было главным показателем качественного и количественного состояния здоровья мозга. Наилучший пульс сознания. Местоположение центра смеха впервые было обнаружено в марте 2000 года Йитжаком Фридом, который, разыскивая причину эпилепсии, открыл на уровне левой лобной зоны, прямо перед зоной языка, точку, ответственную за веселье.

– В райском саду Ева спрашивает у Адама: «Ты меня любишь?» Адам отвечает: «А у меня есть выбор?»

Глаз содрогнулся. Доктор Самюэль Феншэ в замедленном темпе проследил траекторию шутки в мозгу больного. Возбудитель показался в слуховой зоне, затем в языковой и исчез.

Ему не смешно. Возможно, это напомнило ему о своем собственном нелегком выборе. Если только не жену.

Тогда он рассказал другой анекдот, не настолько личный.

– Приходит человек к врачу и говорит: «Доктор, у меня провалы в памяти». – «Да? И давно у вас эти провалы?» – «Какие провалы?»

Глаз дрогнул по-другому.

Чтобы лишний раз убедиться, Самюэль Феншэ снова проследил траекторию шутки. В голубом море мозга появлялись и исчезали маленькие островки, сначала в зоне анализа и сравнения образов, затем – в зоне понимания. Наконец, возбудитель попал в левую лобную долю, в зону веселья.

А теперь он смеется. «Существует тридцать два способа рассмешить человека», – говорил Бергсон. Я нашел один из них. Его рассмешила история о другом больном.

Профессор Йитжак Фрид выяснил также, что шутка заставляет активизироваться особую зону, расположенную внизу префронтальной части коры головного мозга, которая обычно возбуждается, когда подопытный получает награду. Это было видно в течение нескольких микросекунд после того, как зона веселья прекратила свой танец.

Вот доказательство тому, что юмор – признак любви.

Глаз все еще вибрировал, расширяясь от спазмов.

Внутренний взрыв смеха.

Это продолжалось.

Самюэлю Феншэ очень нравился этот анекдот, но он не ожидал, что от него появится коричневое пятно таких размеров. Он подумал, что юмор – субъективная штука. Оттого что хотелось смеяться в таком месте и в такой момент, было еще в десять раз смешнее.

Возможно, именно тогда он полностью расположил к себе своего пациента. Он дружески похлопал его, чего тот не почувствовал.

– Ваш мозг работает прекрасно.

Здоровый ум... в мертвом теле... но хотя бы ум здоровый.

– Хотите, я приглашу вашу семью?

23

– И речи быть не может. Не настаивайте.

Высокий бородач в фуражке с надписью «КАПИТАН УМБЕРТО» качает головой в знак отказа.

– Нет, я не могу. Это судно только для больных, врачей и родственников больных. Журналистов никогда не приглашали на остров Святой Маргариты. У меня есть инструкции.

– Я от Паскаля Феншэ, – продолжает Исидор, который первым приехал в каннский порт.

– Это ничего не меняет.

Бородач упрям и уверен в своей правоте.

– Ну тогда к кому надо обратиться, чтобы попасть на остров?

– Ничем не могу помочь, приемное отделение находится внутри больницы. И они проводят политику сдержанности. Пошлите к ним гонца.

Исидор Катценберг подходит к судну и меняет тему разговора:

– Ваша лодка называется «Харон». В греческой мифологии Хароном звали перевозчика, который перевозил умерших на своей барке «Ахерон» через адскую реку.

– Только то судно соединяло мир мертвых с миром живых, а это – мир разума с миром безрассудства.

Он громко смеется и ерошит свою совершенно белую бороду.

Исидор подходит к моряку и шепчет:

– Кажется, мифологический Харон был не прочь взять с собой на барку тех, кто держал в зубах плату за перевозку.

Журналист вытаскивает три купюры по десять евро и зажимает между зубами.

Капитан Умберто невозмутимо смотрит на это.

– Я не продаюсь.

Тут прибегают Лукреция, закалывая на ходу волосы.

– Все в порядке, я не очень опоздала? Едем прямо сейчас? – как ни в чем не бывало спрашивает она.

Моряк не сводит с нее глаз.

Исидор замечает, какое впечатление произвела его подруга.

– Гм... ну вот, – произносит моряк, – я как раз объяснял вашему коллеге, что, к сожалению...

– К сожалению? – говорит она, приближаясь к нему.

Так близко, что до него доносится запах ее духов – «Eau» от Issey Miyake. Он чувствует также запах ее кожи.

Журналистка опускает солнечные очки и нахально смотрит на моряка своими миндалевидными изумрудными глазами.

– Вы ведь хотите помогать другим. Вы нам нужны и нам не откажете.

У нее уверенный взгляд, твердый голос и даже изгиб шеи – само убеждение.

На сурового моряка все это производит неотразимый эффект.

– Ладно, хорошо, вы же друзья Паскаля Феншэ, – решает он.

Мотор заводится, и капитан отдает швартовы.

– Нужда номер семь заставляет мсье действовать, – шепчет Лукреция, взглянув на своего компаньона.

Чтобы произвести впечатление на своих пассажиров, моряк прибавляет ходу. Нос судна слегка приподнимается.

Лукреция достает записную книжку и к шестому мотиву (гнев) добавляет седьмой: секс.

Исидор вынимает из куртки карманный компьютер размером с книжку и перепечатывает список. Стуча по клавиатуре, он отмечает имена людей, с которыми они встречались, а затем подключается к Интернету.

Он показывает Лукреции свою небольшую игрушку и описывает ее возможности. В Интернете журналисту удастся отыскать досье Национальной безопасности на Умберто Росси: пятьдесят четыре года, родился в Гольф-Жуане.

На горизонте вырисовываются два Леринских острова. Крупнее – пристань острова Святой Маргариты с фортом слева. Чуть дальше – аббатство цистерцианских монахов на острове Сент-Онор.

«Харон» – не быстроходный глиссер, и от каннского порта до больницы Святой Маргариты плыть еще долго.

Умберто вытряхивает в морскую пену свою огромную трубку с вырезанными на ней обнимающимися сиренами.

– Ну и мир там внутри! У людей есть все, чтобы быть счастливыми, но куда им смириться со своей свободой – они постоянно задают себе множество вопросов. И в конце концов получают запутанные узлы.

Он разжигает свою трубку и выпускает несколько завитков пряного дыма, который перемешивается с сильно йодированным воздухом.

– Как-то я встретил одного человека, он говорил, что способен не думать. Он был буддийским монахом. Он застыл, глаза подтверждали, что в его голове совершенно пусто. Я попробовал, это невозможно. Всегда о чем-нибудь думаешь. Хотя бы: «А, ну наконец-то я ни о чем не думаю».

Он смеется.

– Почему вы больше не работаете нейрохирургом в больнице Святой Маргариты? – спрашивает Исидор.

Моряк роняет трубку.

– О... О... Откуда вы знаете?

– Птичка на хвосте принесла, – загадочно отвечает журналист.

Лукреция радуется, что взяла с собой этого Шерлока Холмса от науки. Как все колдуны, он не раскрывает свою уловку, но ему нравится произведенный эффект; к тому же он понимает, что, раскретив себя, потеряет преимущество.

– Вас ведь уволили, да?

– Нет. Это был нес... несчастный случай.

Взгляд моряка неожиданно мутнеет.

– Несчастный случай. Я оперировал мою мать, у нее был рак мозга.

– Вообще-то запрещено оперировать членов своей семьи, – припоминает Исидор.

Умберто снова овладевает собой.

– Да, но она не хотела, чтобы ее оперировал кто-либо другой.

Он сплевывает.

– Я не знаю, что произошло. Она впала в кому и больше не пришла в сознание.

Бывший нейрохирург снова сплевывает.

– Мозг – такая нежная штука, малейшее неправильное движение – и катастрофа. Не то что другие органы, где можно исправить ошибку. А мозг – один неточный миллиметр, и человек становится или калекой на всю жизнь, или сумасшедшим.

Он вытряхивает из трубки табак, постукивая ею о край руля, насыпает новый. Ему нелегко разжечь трубку на ветру, и он нервно встряхивает зажигалку.

– А потом я начал пить. Это было полным падением. У меня тряслись руки, и я решил больше не прикасаться к скальпелю. Я уволился. Хирург с трясущимися руками недееспособен, и из нейрохирурга я превратился в нищего пьяницу.

Они смотрели на остров Святой Маргариты, надвигающийся из-за горизонта. Рядом с приморскими соснами виднелись пальмы и эвкалиптовые деревья, которым нужен особенно мягкий климат этой части Лазурного Берега, чтобы чувствовать себя как в Африке.

– Естественно, что роботы заменят нас в операционных. У них, по крайней мере, никогда не дрожат руки. Кажется, сейчас начинают внедрять хирургов-роботов.

– Вы действительно были бродягой? – спрашивает Лукреция.

– Никто не поддержал меня. Я остался один. Собственное зловоние перестало смущать меня. Я жил на каннском пляже под покрывалом. И все свои вещи держал в хозяйственной сумке, которую прятал в надежном месте в Круазет. Говорят, под солнцем нищета не так тяжела. Вздор!

Судно немного сбавило ход.

– И вдруг однажды кое-кто пришел. Кое-кто из больницы Святой Маргариты. Он сказал: «Возможно, я могу сделать тебе предложение. Как насчет того, чтобы совершать водные рейсы между больницей и каннским портом? Раньше мы пользовались услугами частного общества, а теперь хотим иметь собственную лодку. Ты сумеешь водить небольшое судно между Святой Маргаритой и портом?» Вот так нейрохирург и стал моряком.

Лукреция достает записную книжку и отмечает дату.

– Вы не могли бы рассказать о внутренней жизни психиатрической больницы Святой Маргариты?

С беспокойным видом моряк всматривается в горизонт. Он наблюдает за черными облаками, гонимыми морским ветром, и за пищащими вокруг чайками, которые словно показывают им дорогу. Он поправляет свою куртку морского волка, хмурит густые брови. Затем его взгляд обращается на рыжую журналистку с зелеными глазами, и он забывает о своих опасениях, питая воображение этим свежим образом.

– Раньше это был форт. Форт Святой Маргариты. Его построил Вобан, чтобы защитить берег от атак берберов. Форт имел форму звезды, характерную для защитных сооружений того времени. Затем он стал тюрьмой. Здесь гнил человек по прозвищу Железная Маска. Телевизионщики снимали тут какую-то игру. В конце концов форт переоборудовали в психиатрическую больницу.

Он сплевывает.

– Солдаты, заключенные, телевизионщики, сумасшедшие – логическое развитие, правда?

Он снова громогласно смеется. Волны усиливаются, и судно еще больше раскачивается.

– Эту больницу хотели сделать экспериментальным учреждением. Но доктор Самюэль Феншэ все изменил. Сначала больница Святой Маргариты занимала только порт, а потом стала занимать весь остров.

Средиземное море принялось еще энергичнее раскачивать суденышко.

– Мы считаем, что Феншэ убили, – роняет Исидор.

– А как по-вашему, кто мог его убить? – добавляет Лукреция.

– Во всяком случае, убийца не из больницы. Его все любили.

Они уже достаточно приблизились к острову, чтобы различить высокие стены форта.

– Ах, Феншэ! Царствие ему небесное. Я не сказал вам, но именно он пришел ко мне, когда я был бродягой.

Умберто Росси подошел к журналистке.

– Если его действительно убили, я надеюсь, вы найдете того, кто это сделал.

Огромная волна внезапно качает лодку. Лукреция теряет равновесие. Умберто, ругаясь, хватается за руль. Поднимается ветер, и качка становится сильнее.

– Надо же, вон и Эол! – сообщает Умберто.

– Эол? – эхом повторяет Лукреция.

– Бог ветров. В «Одиссее», вы разве не помните?

– Опять Одиссей.

– Феншэ постоянно его вспоминал...

Умберто декламирует стихи Гомера.

– «Мех развязали они. И вырвались ветры на волю...»

Море совсем вздыбилось. Их начало мотать из стороны в сторону. Сверху вниз.

Во внутреннем ухе Лукреции работа идет полным ходом. За улиткой находится орган, рецептор движений – утрикул. Это сфера, она наполнена студенистой жидкостью, эндолимфой, в которой плавают маленькие камешки, отолиты. На нижней стенке сферы есть реснички. Когда лодку качает, утрикул, хорошо прикрепленный к черепу, отклоняется в сторону. Эндолимфа и отолиты остаются неподвижными, как бутылка, которую наклоняют, но ее конфигурация не изменяется. Эндолимфа сгибает реснички в глубине утрикула, и те передают сигнал, заставляющий тело принимать определенную позицию в пространстве. Однако глаза получают иную информацию, и два противоречащих друг другу сигнала смешиваются, что вызывает тошноту.

Лукрецию Немро выворачивает наизнанку. Исидор присоединяется к ней.

– Это ужасно! – жалуется она.

– Гм. Боли располагаются в следующем порядке: 1) зубная боль; 2) почечная колика; 3) роды; 4) морская болезнь.

У Лукреции мертвенно-бледное лицо.

– Если вы помните, Посейдон преследовал Одиссея бурями, а Афина успокаивала волны, дабы защитить странника, – говорит моряк.

Но Средиземное море вовсе не успокаивается.

Лукреция с трудом поднимает лицо, чтобы взглянуть на громадную темную крепость больницы Святой Маргариты.

24

Все они были здесь. Его жена Изабелла, его дочери, пес Лукулл, друг Бертран Мулино, несколько коллег по работе.

Самюэль Феншэ заметил, что у Жана-Луи Мартена текут слюни, и аккуратно вытер платком уголки его губ, прежде чем впустить пришедших.

– Он слышит левым ухом и видит правым глазом, но не может ни двигаться, ни говорить. Разговаривайте с ним, берите за руку, эмоционально он все воспринимает, – объявил врач.

Старая немецкая овчарка, пес Лукулл, который был ближе всех, бросился к хозяину, чтобы полизать его руку. Благодаря этому спонтанному проявлению любви атмосфера разрядилась.

Лукулл. Мой Лукулл.

Дочери поцеловали отца.

Как же я рад вас видеть. Мои дорогие. Мои обожаемые крошки.

– Как ты, пап?

Я не могу говорить. Прочитайте ответ в моем глазе. Я люблю вас. Я рад, что выбрал жизнь, потому что сейчас вижу вас.

– Папа! Пап, ответь!

– Доктор сказал, что он не может говорить, – напоминает жена Мартена Изабелла, целуя его в щеку. – Не волнуйся, милый, мы с тобой. Мы тебя не оставим.

Я знал, что могу на вас рассчитывать. Я в этом никогда не сомневался.

Бертран Мулино и коллеги с работы помахали принесенными дарами: цветами, шоколадками, апельсинами, книгами. Никто из них так и не понял, что такое этот Locked-In Syndrome. Они решили – это нечто вроде травмы, которую легко лечить, как и все остальные повреждения.

Жан-Луи Мартен постарался придать своему здоровому глазу большую выразительность. Как бы хотелось ему успокоить их и сказать, что он рад их видеть.

У меня, наверное, лицо как у покойника... Я ни разу не видел себя в зеркале с тех пор, как я здесь. Должно быть, я бледный, мертвенно-бледный, дикий. Страшный и усталый. Я даже и улыбнуться не могу.

Перепутав ухо, Изабелла прошептала ему в глухое:

– Я так рада, что ты...

Она чуть поколебалась:

– ...жив.

Доктор Феншэ сказал же «левое ухо», но это левое ухо с моей стороны, а с вашей оно – правое. Правое!

К счастью, его правое ухо стало гораздо более чувствительным, и он мог различать звуки, даже когда говорили в то, которое мертво.

Бертран быстро проговорил в то же ухо:

– Мы очень счастливы, что ты выкарабкался; в банке все ждут твоего возвращения на твердых ногах. Во всяком случае, я жду не дожусь следующей партии в шахматы, как только ты поправишься. Ты должен хорошенько отдохнуть, чтобы восстановить силы, не хитри, не пытайся выйти раньше, чем следует.

Без шансов.

Не будучи уверен, что тот его понял, Бертран показал, будто двигает шахматную фигурку, и дружески похлопал беднягу.

Жан-Луи Мартен успокоился. Единственное, что имело для него значение, – чтобы они его не забыли.

Ах, друзья! Я живу ради вас. Как важно мне сознавать это.

– Ты выздоровеешь, я знаю, –дохнула Изабелла возле его глухого уха.

– Да, папа, скорее возвращайся домой, – снова проговорили три девочки в то же ухо.

– По-моему, ты попал в лучший европейский центр неврологии, – сказал Бертран. – Человек, который впустил нас, в очках и с высоким лбом, кажется, большая шишка.

Но тут как раз вернулся доктор Феншэ и сообщил, что на сегодня хватит, не стоит так утомлять больного. Им лучше прийти послезавтра. Лодка придет за ними в одиннадцать.

Нет, пусть они еще побудут со мной. Мне необходимо их присутствие.

– Ну, пойдем, поправляйся скорее, – сказал Бертран.

Феншэ обернулся к единственному здоровому глазу своего пациента.

– У вас чудесная семья. Bravo, мсье Мартен. Больной LIS медленно опускает веко в знак согласия и благодарности.

– Ваше ухо и глаз – отправная база, на которой я рассчитываю восстановить всю нервную систему. Это вполне возможно.

Доктор Феншэ говорил с еще большей напряженностью.

– Вообще, все зависит от вас. Вы исследователь. Вы раскрываете неизвестную территорию. Собственный мозг. Это новое Эльдорадо третьего тысячелетия. Завоевав пространство, человеку остается только завоевать свой мозг, самое сложное устройство во Вселенной. Мы, ученые, осматриваем с внешней стороны, а вы, вы будете экспериментировать со стороны внутренней.

Жан-Луи Мартен захотел поверить в эту возможность. Он захотел стать первым исследователем человеческого сознания. Стать героем современности.

– Вы можете добиться успеха, если у вас есть мотив. Мотив – вот ключ ко всем поступкам. Я постоянно проверяю это на моих больных, а также на моих лабораторных мышках и могу вам повторить: «Хотеть – значит мочь».

25

Капитан Умберто включает инфракрасный излучатель, две створки расходятся, и «Харон» проникает в небольшой канал, ведущий к причалу, сделанному под фортом в углублении утеса. Они швартуются у понтонного моста.

– Я подожду вас здесь.

В знак прощания он берет руку Лукреции, ласкает ее, целует и сует какой-то легкий предмет.

Она смотрит, что у нее в руке, и видит пачку сигарет.

– Я больше не курю, – говорит она.

– И все же возьмите. Это послужит вам отмычкой.

Лукреция пожимает плечами и прячет пачку. Она с удовольствием снова ставит ноги на твердую землю. Но они все еще дрожат.

Исидор поддерживает ее.

– Дышите глубже, Лукреция, дышите.

Умберто распахивает большую высокую дверь, и они попадают на территорию больницы. Он закрывает за ними тяжелый замок. Они едва сдерживают легкое содрогание. Страх психиатрической больницы.

Я не сумасшедшая, думает Лукреция.

Я не псих, думает Исидор.

Второй оборот тяжелого замка.

А если мне придется доказывать, что я нормальный, беспокоится Исидор.

Журналисты поднимают глаза. К скале с помощью цемента приделаны большие камни, служащие ступеньками. Они поднимаются. С трудом увеличивают шаг. Наверху тучный мужчина с узкой короткой бороденкой, с походкой учителя и в объемном хлопковом пуловере, подбоченившись, загораживает им дорогу.

– Эй вы! Чего вам здесь надо?

– Мы журналисты, – сообщает Лукреция.

Поколебавшись, мужчина представляется:

– Я доктор Робер.

Он ведет их по крутой лестнице, выходящей на площадку.

– Вы можете быстренько все осмотреть, но прошу вас сохранять сдержанность и не контактировать с больными.

Они находятся в центре больницы. Вокруг по лужайке бродят люди в городской одежде и разговаривают. До журналистов доносится разговор двух больных:

– Это я-то параноик? Неправда, кто-то распространяет слухи...

Другие сидят, читают газету или играют в шахматы. Чуть вдалеке играют в футбол, немного подальше – в бадминтон.

– Знаю, наша одежда может удивить. Феншэ запретил одевать больных в пижаму, а медсестрам – носить белые халаты. Таким образом он уничтожил пропасть между лечащими и лечимыми.

– А путаницы не возникает? – спрашивает Исидор.

– Я сам поначалу путался. Но это заставляет быть более внимательным. Доктор Феншэ приехал из Отель-Дье, что в Париже. Он работал с доктором Анри Гривуа, который привез во Францию новые методы канадской психиатрии.

Доктор Робер направляется к строению с надписью: САЛЬВАДОР ДАЛИ.

Стены внутри вместо традиционно белого больничного цвета расписаны красками от пола до потолка.

– Великая идея Феншэ была в том, чтобы напомнить каждому больному, что он может превратить свою инвалидность в достоинство. Он хотел, чтобы они признали свой так называемый сбой и использовали его как преимущество. Каждая комната – дань уважения определенному художнику, который добился успеха как раз благодаря тому, что отличался от остальных.

Они входят в палату Сальвадора Дали. Исидор и Лукреция осматривают стены, расписанные под Дали; это отличные репродукции его самых известных картин.

Доктор Робер ведет журналистов в следующее строение.

– Для параноиков: Мориц Корнелис Эшер.

Стены украшены изображениями всевозможных геометрических фигур.

– Эта больница – настоящий музей. Настенная живопись просто великолепна. Кто все это нарисовал?

– Чтобы достичь такой точности, мы призвали сумасшедших из строения «Ван Гог»; и уверяю вас, это абсолютные копии оригиналов. Ван Гог искал совершенный желтый цвет, рисуя тысячи подсолнухов, отличающихся друг от друга лишь легким оттенком, он пытался отыскать лучший вариант этого цвета; так и здешние больные могут очень долго подбирать цвета, пока не найдут именно тот, который нужно. Они перфекционисты высшего класса.

Они продолжают осмотр.

– Для шизофреников – фламандская живопись Иеронима Босха. Шизофреники очень чувствительны. Они ловят все волны, все вибрации, и это заставляет их страдать и делает гениальными.

Они обходят двор и проходят среди пациентов, большинство которых вежливо приветствуют гостей. Некоторые громко разговаривают с вымышленными собеседниками.

Доктор Робер объясняет:

– В чем мы похожи, так это в том, что нас волнует одно и то же, только каждого в разной степени. Взгляните на этого человека: он боится магнитных волн, исходящих от мобильных телефонов, и поэтому постоянно носит мотоциклетный шлем. Но кто не задумывался об их потенциальной вредности?

Несколько больных дорисовывают картину. Доктор Робер делает одобрительное выражение лица.

– Феншэ ввел новшества во все области, включая метод работы. Больных он осматривал, как никто до него. Смиренно. Без предубеждения. Он не считал их существами, у которых надо остановить способность к разрушению, или людьми, стесняющими окружающих, нет, он пытался заставить их ценить все лучшее, что в них есть, и усилить это. Для этого он обратил их внимание к лучшему, что создает человечество. К живописи, к музыке, к кино, к компьютерам. И он никогда не мешал им. Его пациенты естественным образом устремились к искусству, через которое могли выразить не только свои тревоги или опасения, но и свой язык. Вместо того чтобы запирали своих больных, Феншэ уделял им внимание. Вместо того чтобы разговаривать с ними о болезни, он говорил о красоте вообще. И у некоторых, в свою очередь, появилось желание творить.

– Легко это далось?

– Очень тяжело. Параноики не любят шизофреников и презирают истериков, которые платят им тем же. Но искусство стало для них чем-то вроде нейтральной территории, благодаря ему они даже смогли дополнять друг друга. Феншэ хорошо сказал: «Когда кто-нибудь вас в чем-то упрекает, он показывает то, что могло бы стать вашим преимуществом».

К ним подбегает старая женщина и торопливо хватается за руку журналистку, чтобы посмотреть на часы.

Лукреция замечает, что у нее есть свои часы на запястье. Но она так дрожит, что не в состоянии на них взглянуть.

– Двадцать минут седьмого, – говорит Лукреция.

Но женщина уже бежит в другую сторону. Доктор Робер шепчет журналистам:

– Болезнь Паркинсона. Ее лечат дофамином. В этой больнице лечат не только умственные расстройства, но и все заболевания нервной системы: болезнь Альцгеймера, эпилепсию, болезнь Паркинсона.

К ним подходит больной, кривляясь и размахивая небольшой линейкой.

– Что это? – спрашивает Исидор.

– Болезнемер. Измеритель боли в некотором роде. Когда больной говорит, что испытывает боль, сложно понять, нужен ему морфин или нет. Тогда его просят определить по градусам от одного до двадцати, насколько «мне больно». Таким образом они отмечают свою субъективную боль.

Двое рабочих закладывают мемориальную плиту с изображением Феншэ. Внизу выгравирован его девиз: «Возможности человека, у которого есть мотив, безграничны».

Больные собираются, чтобы посмотреть на плиту. Некоторые выглядят растроганными. Человек десять аплодируют.

– Его здесь все ценили, – говорит бородач. – Когда Феншэ сражался на турнире с DEEP DLUEIV, на главном дворе установили большой телеэкран, и стоило посмотреть, какое было оживление – прямо как во время футбольного матча. Все кричали: «Давай, Самми! Самми, вперед!» Больные называли его по имени.

Доктор Робер открывает дверь вивария и показывает целую этажерку с клетками, в которых сотни мышей.

– Вас это интересует?

Лукреция наклоняется над клетками и замечает, что у большинства грызунов обрит череп, а из их голов тянутся электрические проводки.

– Это подопытные мыши. Мы провоцируем эпилептический припадок и наблюдаем, каким образом лекарства с ним справляются. Феншэ был не только директором больницы, он все еще оставался ученым. Со своими помощниками он проверял новые пути исследований.

Мыши заинтересовались пришедшими и тянули носом сквозь решетки клеток.

– Они словно хотят что-то нам сказать, – тихонько замечает Лукреция.

– Они умнее обычных мышей. Так как их родителями были цирковые мыши, они от рождения легко переносят тесты. Потом мы поместили их в эти клетки с лабиринтами и игрушками, чтобы проверить, не ухудшился ли их интеллект.

Журналисты смотрят, как две мышки дерутся, ударяя друг друга маленькими лапками. В конце концов на мордочке одной из них появляется кровь.

– Как вы думаете, кто-нибудь здесь мог питать к нему неприязнь? – спрашивает Лукреция.

– Наркоманы. Они одни играют не по правилам. И надо всеми издеваются, включая Феншэ. Они его уже били однажды. Наркоманы не в состоянии соображать. Они готовы на все, ради того, чтобы достать хоть немного проклятого зелья.

– И даже на убийство?

Доктор Робер держится за подбородок.

– Они единственные не понимали ценности методов Феншэ. Впрочем, он решил со временем выгонять самых строптивых.

– Каким образом, по-вашему, наркоман мог убить Феншэ? – спрашивает Исидор.

– Например, подложить в его еду какое-нибудь вещество замедленного действия, – отвечает доктор Робер.

– Служба судебной медицины не обнаружила никаких токсичных продуктов.

– Некоторые из них невозможно выявить. Здесь, в химической лаборатории, у нас есть крайне токсичные вещества. Они могут подействовать, а затем мгновенно исчезнуть.

Лукреция отмечает этот новый вариант: заговор наркоманов, которые использовали невыявляемый яд.

– Можно осмотреть кабинет Феншэ?

– Ни в коем случае.

Тогда Исидор проявляет находчивость: вытаскивает сигареты из кармана своей коллеги и берет одну.

Мужчина проворно хватается за нее.

– Сигареты нельзя приносить, но никто не запрещал курить тайком. Дело в том, что все мы спим здесь, а сходить за покупками на берег не часто удается. Спасибо.

Доктор Робер зажигает сигарету и закрывает глаза от наслаждения. Он резко вдыхает, чтобы побыстрее впитать никотин.

– Просто удивительно, сумасшедший дом без сигарет, – замечает Исидор. – Я бывал в других психиатрических больницах, и там все курили...

– Феншэ, кажется, курил во время матча с DEEP DLUE IV, – добавляет Лукреция.

– Это исключение. Во время матча напряжение было на пределе. Он мог сломаться.

Лукреция достает записную книжку и быстро отмечает: «Восьмой мотив... табак?»

Исидор, взглянув через ее плечо на запись, шепчет:

– Нет, надо расширить. Табак, алкоголь, наркотики. Скажем, одурманивающие вещества, вызывающие привыкание. Итак, перечислим: 5) обязанность; 6) гнев; 7) секс и 8) наркотики.

Внезапно появляется пожилая женщина, предположительно страдающая болезнью Паркинсона, в компании двух крепких мужчин, которые хватают доктора Робера. Поняв, что его поймали, доктор жадно вдыхает последнюю затяжку затухающего окурка.

– Ну что, Робер, снова хитришь!

Окурки вырвали и бросили на землю. Женщина смерила взглядом журналистов.

– Робер вас надул! В этом у него талант. Спорю, он прикинулся врачом. Вообще, он и есть врач, но он действительно болен. Одно другому не мешает. Робер разносторонняя личность. Отличный вам урок: внешность обманчива.

Она знаком приказывает больному убраться. Смущенный, он уходит. Пожилая женщина поворачивается к Исидору и Лукреции.

– Вы ведь не из больницы; кто вы такие и что здесь делаете?

Они не сразу осознают, что их одурачили.

– Э... мы журналисты, – отвечает Лукреция.

Старуха взрывается от гнева.

– Что! Журналисты! Здесь не должно быть никаких журналистов! Вероятно, вас привез Умберто! На сей раз это будет последнее предупреждение, если он снова приведет чужаков, его выгонят!

– Можно задать вопрос?

– Сожалею, но у нас нет времени. Это больница. Дайте нам работать спокойно.

Она уходит, санитар ведет их к понтону.

В этот момент Исидор думает про себя, что надеется никогда не сойти с ума, но, если это все же произойдет, он хочет, чтобы его лечил такой человек, как Феншэ.

26

Доктор Феншэ регулярно приходил к Жану-Луи Мартену, но у него были и другие больные.

На первых порах Мартена поддерживала семья. Друг Бертран и коллеги по работе также по очереди навещали его. Пес Лукулл постоянно сидел у его ног, чтобы защитить от случайного обидчика.

Все они знали, что больной их видит и слышит. Мартен со своей стороны изо всех сил старался, чтобы беседа состоялась: он говорил «да», закрывая глаз один раз, и «нет» – хлопая глазом дважды.

Жена Изабелла сообщила ему, что отнесла заявление в полицию, чтобы отыскать того, кто его сбил.

– Благодаря свидетелю, который все видел с балкона, известен номер машины.

Глаз Жана-Луи посветлел.

– ...Но к сожалению, автомобиль был взят напрокат по подложным документам.

А потом друзья стали навещать его все реже и реже.

Мартен пытался заставить себя поверить отговоркам, которые они давали. Первым свое безразличие к хозяину показал пес Лукулл. Без всяких извинений он просто перестал лизать его руку и отворачивался, словно эта неподвижная громадина под одеялом не имела ничего общего с хозяином. Она его не кормила, не бросала ему палку, не ласкала его, поэтому пес уже не видел нужды усердствовать.

В конце концов перестали приходиться и коллеги. По сбивчивым словам друга Бертрана Мулино Жан-Луи Мартен понял, что его место в банке занято.

Даже сам Бертран опустил руки.

Семья упорно твердила ему об улучшении состояния. Дочери говорили о возвращении, о лечении в другой, не менее специализированной клинике. Однажды Изабелла удивленно произнесла:

– Они что, перевели тебя в другую палату?

Жан-Луи один раз хлопнул веком. Феншэ действительно переселил его в палату побольше, чтобы он мог спокойно «общаться» с родными.

– В этой палате нет окна! – возмутилась Сюзанна, младшая дочь Мартена.

– А ему без разницы. Ему от этого ни жарко, ни холодно, – усмехнулась старшая.

– Я запрещаю тебе говорить такое! Пораженная мать со всей силы залепила дочери пощечину.

Мартен дважды закрыл глаз.

Нет, нет, не ссорьтесь.

Но его жена уже исчезла, уведя детей, чтобы он не был свидетелем их склок.

27

На обратном пути море спокойно.

Умберто, хмурый и недружелюбный, больше с ними не разговаривает. Он постоянно сплевывает поверх леера, будто бы метит прямо на журналистов.

Очевидно, сотрудники больницы все же отчитали его.

– Но, в общем, нам повезло, что они так просто нас отпустили, – объявляет Исидор. – Помню, в 1971 году в Лос-Анджелесе проводили эксперимент. Десять журналистов решили проникнуть в психиатрическую больницу, чтобы провести там расследование. Каждый сходил к семейному врачу и пожаловался, что «слышит голоса в голове». Этого вполне хватило, чтобы их направили напрямиком в психиатрические учреждения, где им диагностировали шизофрению. Итак, журналисты тщательно записали все, что происходило вокруг них. Но когда они решили, что их расследование закончено, некоторые не смогли выйти на волю. Им пришлось звать адвокатов, ведь ни один врач не хотел признать, что журналисты в здравом рассудке. Только сами больные заметили, что новички вели себя по-другому...

Волосы Лукреции развеваются по ветру, она дышит полной грудью, чтобы избежать тошноты.

– Врачи, должно быть, очень обиделись, что их обманули. Начиная с того момента, как журналисты получили диагноз «шизофреник», любое их действие расценивалось как типичное для больных.

Впереди показался Лазурный Берег со своими великолепными виллами, возвышающимися над бухтой.

– Я тоже слыхала о подобном эксперименте в Париже, – заговорила Лукреция, не желая оставаться в долгу. – С согласия школьной администрации, социологи наобум раздали ученикам хорошие и плохие рекомендации перед переходом в другой класс. Преподаватели об эксперименте не знали. В конце года ученики с хорошей рекомендацией имели хорошие оценки, а те, у кого были незавидные рекомендации, получили плохие оценки.

– Вы считаете, что нас формируют окружающие? – спрашивает Исидор.

В этот момент телефон Лукреции начинает вибрировать. Она слушает, затем выключает аппарат.

– Это был профессор Жиордано. Он что-то обнаружил. Он сообщил, что ждет меня в морге.

– Ждет «меня»? Он ждет «нас», – поправляет Исидор Катценберг.

– Он просил приехать только меня.

Взгляд Исидора становится острее.

– Я бы хотел поехать с вами.

Ты всего лишь мерзкая маленькая девчонка, которой еще учиться и учиться этой профессии.

– А я бы хотела поехать одна.

Поигрывая своей фуражкой, украшенной витым узором из золотых нитей, капитан внимательно смотрит на них. Теперь он вспомнил, почему решил остаться холостяком.

– Должен признать, мне это очень неприятно, – вздыхает Исидор.

– Тем хуже, – отвечает она.

– Неужели?

– Неужели!

Сверкающие изумрудные глаза прощупывают карие, которые стараются быть бесстрашными.

Довольно холодно простившись с проводником, журналисты добираются до мотоцикла с коляской. Исидор не хочет говорить, но слова вырываются сами собой.

– Все-таки я думаю, что нам лучше оставаться вместе. При малейшей неприятности... – настаивает он.

– Я большая девочка и могу за себя постоять. По-моему, я вам это уже доказала.

– И тем не менее позволю себе настаивать.

Она быстро надевает шлем и широкий красный плащ.

– Отель совсем близко, дойдете пешком! – бросает Лукреция.

Затем приподнимает очки, садится на мотоцикл, притягивает руками его голову к себе и целует в лоб. Потом хватает его за подбородок.

– Пусть между нами все будет ясно, дорогой коллега. Я не ваша ученица, не последовательница, не дочь. Я делаю что хочу. Одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.